

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Эффект недостигнутой цели



Татьяна Васильевна Коган
Эффект недостигнутой цели
Серия «Чужие игры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17182092
Эффект недостигнутой цели / Татьяна Коган: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85288-8

Аннотация

Руслан приехал в этот маленький курортный городок не для того, чтобы отдыхать, – его наняли отыскать убийцу. Было известно, что здесь орудует маньяк, однако охотится он только на тех, кто совершил преступление, но сумел обойти закон. И тогда оставшихся на свободе мерзавцев находили с перерезанным горлом... Руслана не волновала справедливость, он был хладнокровным профессионалом и лишь отработывал свой гонорар. Но в этом деле все оказалось не так просто. Единственной приметой неуловимого мстителя была «оса» – именно это слово успел прошептать перед смертью брат заказчицы. Но «ос» в городке нашлось слишком много... Пытаясь наладить связи с местными жителями, Руслан завел необременительную интрижку с Ликой, хозяйкой кафе «Кроличья нора», но совершенно неожиданно для себя влюбился по-настоящему, и все его расследование оказалось под угрозой...

Татьяна Коган

Эффект недостигнутой цели

© Коган Т. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

«Я н-не знаю, найдет ли кто-нибудь эту з-запись. Надеюсь, что н-найдет, хотя вряд ли это что-то изменит – для м-меня так уж точно. Если уж начистоту, мне п-просто н-нужно сейчас с кем-то поговорить, пусть даже с самим собой, чтобы не сойти с ума. Меня зовут... Впрочем, это уже не имеет значения. В-важно лишь то, что я не п-понимаю, почему очутился здесь. Сегодня двадцать восьмое марта. Девятнадцать тридцать пять. Через час, м-максимум через два, я умру. Просто истеку к-кровью – мне не удастся ее остановить. Но даже если получится каким-то образом п-продержаться д-дольше, я все равно умру – утону, если не придумаю, как в#выбраться из этого ч-чертова контейнера. Вода прибывает...»

Двумя месяцами ранее

Он возник из ниоткуда. Появился в городе промозглой, слякотной зимой, когда даже местные предпочитают пореже высовываться из домов, не говоря о туристах, которые не появляются на побережье раньше мая.

Иногда приморские санатории атакуют пенсионеры и работяги, польстившиеся на зимние скидки, но их видно сразу. Скучные и забитые жизнью, они приезжают подлечиться, за территорию санаториев практически не выходят, и ничего экстраординарного от них ждать не стоит.

Этот же выделялся из толпы. Молодой, здоровый, любопытный. Он остановился в гостинице, но довольно скоро нашел жилье подешевле, сняв однушку в частном секторе. Для чего он приехал? С какой целью? Большую часть времени он просто бродил по городу, изучал местность, сидел в барах. Как будто выискивал что-то. Или кого-то.

Чужаков местные не любили. Не туристов, которые, промотав в отпускном угаре все деньги, разъедутся обратно в свои мегаполисы; не заезжих гастролеров, наводнявших город с началом сезона в надежде подзаработать. А именно чужаков – тех, кто появляется по непонятным причинам и задерживается дольше обычного. Такие вызывали тревогу.

На этой неделе Малыш видел его трижды. Два раза в кафе. Городок у них небольшой, и баров, которые работают в зимнее время, не так уж много. И все-таки Малыша злило, что чужак выбрал именно это место. Да не просто выбрал, а фактически сделался завсегдаем.

Вероятно, Малыш сам выдумал проблему – такая склонность за ним имелась, и он был достаточно честен с собой, чтобы признавать это. Может быть, он заскучал в последние дни и подсознательно выбрал себе источник раздражения, чтобы взбодриться. А кто лучше всех подойдет на эту роль, как не подвернувшийся под руку чужак?

Малыш бросил быстрый взгляд в сторону барной стойки. Незнакомец сидел на высоком стуле, потягивал пиво из высокого бокала и трепался с Ликой, владелицей заведения и по совместительству официанткой, администратором и бухгалтером. Малыш постарался незаметно рассмотреть его.

На вид лет двадцать пять, может, чуть старше. Одет по-простому, без понтов: джинсы, кроссовки, ветровка. Из-за просторной куртки точно не разберешь, но, похоже, телосложе-

ние крепкое. Лицо. Хм. Нормальное. Бабы такие лица любят – черты правильные, светлые глаза, щетина. Лика, видимо, уже оценила, улыбается во все зубы. Стерва.

– Долго ты пялиться на нее будешь? – Сидевший рядом товарищ толкнул Малыша локтем. – Давно бы пригласил на свидание.

– Отвали, – зло буркнул он. – Много ты понимаешь.

Вообще-то Васька, так звали товарища, кое-что понимал. Иначе Малыш бы с ним не дружил. Башка у него варила, с ним и посоветоваться незазорно и вляпаться в какую-нибудь историю весело. Единственное, что в нем раздражало – излишняя пронизательность и бесцеремонность. Если что заметит, сразу в лоб говорит, без обиняков. Никакой деликатности у человека.

– Больно на тебя смотреть, – с нажимом произнес приятель. – Топчешься вокруг, как петух, а запрыгнуть боишься.

– Лучше заткнись, – предупредил Малыш, начиная сердиться. Что за натура такая подлая, а? Видит же, что и без того тошно, а все равно лезет, сыпет соль на рану.

– Я-то заткнусь. А вот тот чувак, – Василий кивнул на незнакомца у стойки, – всю малину соберет, пока ты тупить будешь.

Малыш так яростно заиграл желваками, что друг наконец сообразил:

– Ладно, молчу. – Он поднял вверх руки, капитулируя. И тут же добавил: – Трус.

Последнее слово Малыш предпочел не услышать. Он снова посмотрел на Лику и отвернулся. Он уже давно неровно к ней дышал. С весны и до конца осени город наводняют тысячи красивых одиноких женщин. Они жаждут приключений, и только безнадежно ленивый не закрутит курортный роман, и с возбуждающими интрижками и сексом у Малыша проблем не водилось. Просто Лика по-настоящему ему нравилась.

Она была почти вдвое старше его, держала свое кафе, где отирались местные, и не походила ни на одну другую женщину. С одной стороны, зрелая, самостоятельная. Но вместе с тем легкомысленная и смешливая, готовая хохотать над любой более-менее удачной шуткой. И ее вечные короткие платья. И белые волосы ниже лопаток. И длинные звякающие серьги. И розовая блестящая помада...

Не прав был Василий, называя его трусом. За последний год Малыш несколько раз подкатывал к Лике, но ничего из этого не получалось. Как ей удавалось? Вроде бы и не посылая открыто и надежду оставляла, но при этом сразу обозначила: ничего тебе здесь, парень, не светит.

А почему? Хоть ты тресни, Малыш не понимал, в чем дело. Не из-за разницы же в возрасте, в самом деле. Поставь их рядом – и большинство скажет, что ровесники. Внешностью его природа не обделила – не урод, высокий. За рост метр девяносто шесть его, собственно, Малышом и прозвали. Конечно, у него нет своего ресторана или гостиницы, но работа постоянная имеется. Да и не из тех Лика баб, что падки на деньги. Так отчего же она раз за разом нос воротит?

– Здоров, мужики! – Трое парней подошли к их столику и, громко отодвинув стулья, разместились рядом. – Как жизнь? Что нового?

Малыш обменялся с приятелями рукопожатиями и пересел спиной к барной стойке. Незачем забивать себе мозги всякой глупостью. Сегодня есть дела поважнее. Он оттянул рукав свитера и посмотрел на часы. Без четверти десять. Еще рано. Можно спокойно потрепаться с друзьями.

– Что, на тренировку завтра идете? – поинтересовался Артем Менджусов, он же Меджик, рыжий коренастый парень с белыми ресницами и бровями.

– Странный вопрос, – усмехнулся Малыш.

Все заржали. Вопрос был и правда нелепый. Занятия у Иваныча мало кто пропускал. Отмазок тот никаких не принимал. Имелось лишь три оправдания для неявки на тренировку:

первая – ты умер, вторая – заболел и умер, третья – тебя убили. Иваныч был тренером от бога, но крут на расправу. Если замечал отсутствие рвения и энтузиазма, выгонял без лишних сантиментов. В конечном счете сформировался основной костяк тех, для кого спорт был столь же важен, как воздух. И хотя новички постоянно подтягивались, но довольно быстро отсеивались, не выдержав нагрузки.

Лица заливисто рассмеялась, Малыш невольно вздрогнул и скосил глаза в ее сторону. Она облокотилась о барную стойку, демонстрируя незнакомцу глубокое декольте, и с явной симпатией слушала его байки.

Приятели что-то активно обсуждали, но Малыш с трудом вникал в суть беседы. Его внимание занимала парочка у бара. Он с трудом контролировал растущее раздражение. Василий заметил состояние друга и красноречиво фыркнул, давая понять, что о нем думает: трус. И Малыш не выдержал, шумно поднялся со стула:

– Пойду выпить возьму.

– Настроение под ноль, здравствуй, крепкий алкоголь, – бросил ему в спину Васька.

Лица выпрямилась, приветливо кивнув подошедшему парню:

– Пива?

– Ага, спасибо. – Малыш устроился на свободном стуле. – Я смотрю, у тебя настроение сегодня хорошее?

– Вы, я тоже смотрю, не грустите. – Лица кивнула на веселую компанию за столиком.

Она сполоснула чистый бокал и поднесла его к крану емкости с пивом.

– Может, присоединишься к нам?

– Спасибо, Дим, но я сегодня одна работаю, и у меня тут гости.

– Хорошие гости уходят вовремя, – громче обычного проговорил Малыш, надеясь, что чужак сообразит, что ему не рады. Тот, однако, не отреагировал.

Лица закрыла кран, смахнула ножом пену, положила на стойку картонную подставку и водрузила на нее бокал:

– Что-нибудь еще?

Малыш видел, что Лица жаждет вернуться к прерванной беседе и тяготится его обществом. Он понимал, что находится в невыгодной позиции, но не мог заставить себя уйти. Долбаный чужак стоял у него поперек горла. Вроде бы и не делал ничего предосудительного, а уже осточертел.

– Нет. – Малыш натянуто улыбнулся. – Больше ничего не нужно.

«Давай же, разворачивайся и сваливай», – отвесил себе мысленного пинка и уже собирався последовать совету, но вместо этого спросил:

– Что, надолго в нашем городе?

Незнакомец повернулся:

– Это ты мне?

– Сообразительный.

Парень на мгновение нахмурился, прикидывая, оскорбительно ли прозвучал обращенный к нему комментарий. Решил, что нет, и доброжелательно отозвался:

– Еще не знаю.

– А когда узнаешь? – Малыша понесло. Он помнил, что Лица не выносит разборок в своем баре, но уже не мог остановиться.

Парень поймал обеспокоенный взгляд женщины и внимательно посмотрел на собеседника:

– Тебя что-то тревожит?

– А что, должно?

Чужак пожал плечами:

– Это у тебя нужно поинтересоваться. Я сижу, никого не трогаю, мирно беседую с милой девушкой. И вдруг подваливаешь ты, с явными претензиями. Если тебе есть что сказать, пошли поговорим на улице.

Малыш спрыгнул со стула и, набычившись, вплотную шагнул к незнакомцу:

– Сильно умным себя считаешь? Схлопотать по шее не боишься?

Он осознавал, что ведет себя как идиот и порет горячку. Обычно за ним не наблюдалось чрезмерной импульсивности – это, скорее, Васькина особенность. Но что-то было в этом чужаке, в его облике и повадках – что-то неправильное, раздражающее, действовавшее на Малыша как красная тряпка на быка. Первый раз с ним такое происходило.

Заметив неладное, друзья Малыша встали из-за стола.

– Эй, тут что, конфликт наметился? – с надеждой спросил смуглый, приземистый Гарик Саркисян, он же ГОП. Конфликты он любил и никогда не упускал возможности помахать кулаками.

Незнакомец обвел компанию расслабленным взглядом. Обстановка накалялась, но он, кажется, ничуть не нервничал.

– Если вы сейчас же это не прекратите, – начала Лика, но тут же умолкла, незнакомец поднял руку, прося тишины.

– Никакой проблемы я не вижу, – тихо, но разборчиво произнес он. – Если кто-то из вас захочет растолковать мне, в чем дело, с радостью выслушаю. Но повторюсь – на улице. Не будем смущать присутствующих здесь дам.

Все уставились на Малыша, ожидая его объяснений. Он вообразил, как впечатывает свой кулак в это самоуверенное лицо, которое так нравится бабам... Как хрустят под его пальцами чужие кости, а из сломанного носа течет кровавая юшка. Как чужак со стоном падает и жалобно глядит снизу вверх. А он, Малыш, несколько долгих мгновений стоит над ним, размышляя, ударить ногой или нет. Но не бьет, отходит в сторону, проявив милость к поверженному противнику.

С самого начала вечер не задался! Если затеять драку на пустом месте, Лика его и знать не захочет.

– Все нормально, – проворчал он. – Мы друг друга не поняли.

Взял бокал с пивом и вернулся обратно за стол.

Может, и правда – трус? Но ведь не боли же он боится, не проигрыша. Он не самый великий боксер, но удар поставлен, плюс преимущество в весе и росте. Испугался, что Лика рассердится и перестанет общаться. Запретит в бар приходить. Это с виду она нежная блондинка, а когда надо, может и характер показать. И тогда не увидит он больше ее длинных ног в коротких платьях... И розовые губы...

Остаток вечера Малыш сидел мрачнее тучи, а к пиву так и не притронулся. Около полуночи засобирался. Поспешно расплатился, нарочно задев плечом все так же сидевшего у бара чужака, и, кивнув Ваське, направился к выходу.

Незнакомец проводил его долгим тяжелым взглядом.

* * *

Ночь выдалась темной, с полудня небо заволочло тяжелыми тучами, и теперь вместо привычных южных звезд над головой стелилась беспросветная свинцовая мгла. Улица была пуста, окна домов черны – большинство жителей уже давно спали. Лишь на веранде красивого трехэтажного особняка, что возвышался в конце улицы и упирался в начинавшуюся за забором рощу, горел свет.

Особняк принадлежал известному в городе предпринимателю. Сейчас ни его, ни супруги не было дома: уехали в короткий вояж по Европе. Их сын Артур, двадцати двух

лет от роду, не преминул воспользоваться ситуацией и устроил вечеринку. Музыка грохотала до часу ночи, пока соседи не позвонили и не пригрозили вызвать полицию. Артуру очень хотелось послать соседей куда подальше, но накалять обстановку не следовало: отец бы наверняка узнал и устроил ему разнос. Поэтому он изобразил пай-мальчика и сделал музыку тише. К чему дополнительные проблемы?

К трем часам гости разошлись. Артур взял пачку сигарет и вышел на задний двор, большую часть которого занимал прямоугольный бассейн с подогревом. Вокруг валялись пивные бутылки, банки из-под колы, скомканные салфетки и даже чей-то бюстгальтер. Покутили они на славу. Артур мечтательно улыбнулся и закурил.

Он постоял бы подольше, наслаждаясь свежим воздухом и запахом моря, если бы окончательно не продрог. Температура была не летняя. Он пухнул окурок на кафельный пол и еще раз оглядел царивший вокруг беспорядок. Уборщица придет в восемь утра, вставить в такую рань желания не имелось, поэтому он заранее отключил сигнализацию. Пусть спокойно заходит и наводит здесь марафет. Артур с наслаждением поежился. В этот момент сзади кто-то обхватил его шею, ошутимо сжав горло. А перед глазами возник мужчина в маске с прорезями для глаз и рта.

– Что за... – попробовал возмутиться Артур, но шею сдавили сильнее, перекрывая доступ воздуха. Он задергался в попытке вырваться, но тот, кто его держал, явно превосходил в силе.

Второй, тот, что в маске, замахнулся телескопической дубинкой. Через мгновение правая голень Артура взорвалась от острой боли. Крик застрял в глотке – широкая ладонь в перчатке бесцеремонно накрыла его рот.

Мужчина снова ударил Артура по правой ноге в то же самое место, а затем по левой. Несколько мощных ударов последовали один за другим. В глазах потемнело, колени подкосились; противник за спиной теперь практически держал его на весу.

Снова удар по голени.

– Ты знаешь за что? – шепотом спросил незнакомец, складывая дубинку.

Артур отрицательно помотал головой и тут же захлебнулся от боли, получив кулаком под дых.

– Ты знаешь за что? – последовал повторный вопрос.

Ладонь убрали ото рта, позволяя ему говорить:

– Я не понимаю... о чем вы... – забормотал Артур. В его глазах плескался неподдельный ужас.

Противник в маске занес руку, явно намереваясь бить до тех пор, пока не получит устраивающий его ответ.

– Ладно! – застонал Артур. – Ладно! Стой! Я понял. Понял. Я знаю, – мелкая дрожь била его тело.

– Еще один раз, и вместо ног мы проломим твой череп.

Стоявший за спиной ослабил хватку на горле, подхватил его под руки, доволком до бассейна и толкнул в воду. Когда Артур перестал истерично барахтаться и зацепился за край бортика, отплеываясь и матерясь, нападавшие уже скрылись.

* * *

Ему не нравились маленькие городки. Было в них что-то нездоровое, ущербное, хищное. Такие городки напоминали ему старушечьи квартиры, которых как ни убирай, как уютно ни обставляй, не избавишься от затхлого запаха, не растрясешь накопленные годами трагедии, жадно вгрызающиеся в любого, кто по глупости переступит порог. От подобных мест бежать нужно сломя голову. А он добровольно приехал.

Руслан Бажин наклонился к зеркалу, погладил щеку, раздумывая, не пора ли поработать триммером и укоротить щетину. Он отступил назад и несколько секунд сосредоточенно изучал собственное отражение. Потом надел футболку, вернулся в комнату и стал собираться. Судя по всему, задержится он здесь надолго, а значит, следует искать работу.

На улице было сыро и ветрено. Изредка из-за плотной пелены облаков пробивался тусклый солнечный луч, делая окружающий пейзаж чуть менее мрачным. Жидкая каша из грязи чавкала под ногами. Руслан старательно обходил лужи, но кроссовки все равно довольно быстро промокли. Тонкая куртка не спасала от влажного холода. Он поднял воротник, спрятал руки под мышки и ускорил шаг.

Узкая улочка, петляя, уходила вниз. Серые стены домов нависали с угрюмым равнодушием; Руслану показалось, что из безликих квадратных окон за ним внимательно наблюдают чьи-то глаза. Накатило уже знакомое ощущение чужого присутствия, как будто весь этот скособоченный, расположенный на холмах городок был одушевленным, большим, враждебным существом. Руслан почувствовал себя инородным предметом, застрявшим в его большой, воспаленной глотке.

Он тряхнул головой, прогоняя неуместную фантазию. Глупости все это, игра воображения. Нет ничего зловещего в этом городе. Весной и летом здесь, наверное, рай. Зелени полно, море чистое, жара. Туристы – народ привередливый. Если бы чуяли что-то неладное – разве приезжали бы толпами из года в год? То, как Руслан воспринимает окружающее, исключительно его собственные заморочки. И он отлично знал их причину. Это прошлое пробивалось сквозь возведенные разумом стены.

Он остановился у киоска Роспечати, купил несколько местных газет и двинулся в сторону «Кроличьей норы». Это кафе он приметил несколько дней назад, оно находилось неподалеку и работало, что само по себе было великой удачей. За пару недель шатания по городу Руслан убедился, что нужно постараться, чтобы найти место с приличной кормежкой.

Сначала он кафе не заметил, прошел мимо. Подумал, что круглая деревянная дверь и маленькие игрушечные окошки – элемент фасадного декора. Потом обратил внимание на вывеску и зашел внутрь. Обстановка ему сразу понравилась. Просторно, приятный полумрак. Черные стены, драпированные тяжелыми шторами, визуально расширяли пространство, создавали иллюзию бездны – подойди ближе, и она утянет тебя в свою беспросветную мглу. Маленькие столики по периметру и в центре, стулья из темного дерева, обтянутые черным дерматином диваны. Длинные изогнутые цилиндрические лампы свисали с потолка, подобно гигантским корням. Надо сказать, владелец подобрал идеальное название. Это была самая настоящая кроличья нора, и ничто иное.

Но самым приятным оказались весьма демократичные цены. Руслан заказал кофе и пару сэндвичей. Блондинка за стойкой кивнула ему, как старому знакомому. Он улыбнулся, но от диалога воздержался: в такую рань он всегда был не в настроении. Руслан уселся за столик возле окошка, сквозь которое с трудом пробивалось хмурое зимнее утро, вытащил газету и принялся изучать колонки с объявлениями о вакансиях.

Предложениями от работодателей рубрика не пестрила. Он взял вторую чашку кофе, откинулся на спинку стула и попытался свыкнуться с неприятной мыслью о том, что ему действительно придется задержаться здесь на неопределенный срок. Работа – не единственное, что стояло на повестке дня. Чтобы существование в этом городе не стало невыносимым, требовалось завести друзей. Ладно, насчет друзей он погорячился. А вот без приятелей никак не обойтись. Маленькие городки живут по своим законам. И чем больше у тебя знакомых, тем легче тебе в эти законы интегрироваться.

Шумная тройца, двое парней и девушка, вошла в кафе и устроилась за барной стойкой, увлеченно обсуждая какое-то происшествие. Руслан прислушался. По всей видимости, ночью случилось какое-то незаурядное событие.

– ... да говорю же тебе, он проторчал в бассейне до утра, потому что сам вылезти не мог. А утром его уборщица обнаружила и вызвала «Скорую» и ментов, – бойко объясняла парням девчонка. На вид ей было не больше девятнадцати лет. Крупная, светловолосая, некрасивая.

– И что в итоге? – спросил один из парней.

– Переломы ног...

– Да не про это я! – скривился собеседник. – Что менты говорят?

– Ничего не говорят, – не без удовольствия ответила девчонка. – Артурчик вечеринку устраивал, предварительно отключил все камеры наблюдения, чтобы родки потом не посмотрели, чем их сынок занимался в их отсутствие. А сам он нападавших описать не смог: они в масках были.

Руслан усмехнулся и перестал следить за разговором. В маленьком городе и проблемы соответствующие. Кому-то надавали по шее, и это сразу стало новостью номер один. Он вернулся к изучению вакансий.

– Еще кофе? – прозвучал над ухом мелодичный голос.

Руслан оторвал глаза от газеты. Официантка держала в руках кофейник и вопросительно смотрела на него.

– Нет, спасибо, мне достаточно. Анжелика, верно?

– Просто Лика. – Она помолчала, разглядывая газету с обведенными ручкой объявлениями. – Ищете работу? Не очень успешно, полагаю?

Он пожал плечами:

– Да, у вас тут негусто с вариантами.

– Можно? – Лика указала на стул.

– Конечно, садитесь, – с готовностью разрешил Руслан. Торопиться ему все равно некуда, а отказывать симпатичным женщинам он не привык.

– Летом с работой получше. – Лика поставила кофейник на стол и теперь бесцеремонно разглядывала парня – то ли из чистого любопытства, то из симпатии.

– До лета нужно дожить. – Руслан краем глаза заметил, что компания у стойки поглядывает в их сторону.

– А что вы умеете? В смысле, какая у вас специализация? – спросила Лика.

– Общая, – уклончиво ответил Руслан.

– Ага, понятно, – неожиданно рассмеялась Лика.

Некрасивая девушка у стойки бросила на нее быстрый взгляд и отвернулась.

– Знаете, мой знакомый занимается погрузочными работами, и ему постоянно грузчики требуются. Если вас не смущает такой труд.

– Не смущает.

– Тогда вот. – Она достала из кармана ручку и написала на салфетке адрес. – Зовут его Геннадий Петрович. Скажите, что вас Анжела из «Норы» порекомендовала.

– Сегодня же туда наведаюсь, спасибо за помощь, – поблагодарил Руслан и тут же перевел тему: – Что-то случилось, да? Я краем уха услышал беседу...

– Ничего особенного, – внезапно посерьезнела Лика. – Кое-кто давно заслуживал хорошей взбучки.

Она встала и, перед тем как уйти, добавила:

– Вчера к вам Дима прицепился, вы не обижайтесь на него. Он хороший парень, только дурит порой.

– Я не из обидчивых, – усмехнулся Руслан.

– Это хорошо, – пробормотала она и удалилась, покачивая бедрами, обтянутыми узким платьем.

Она была привлекательная, эта Анжелика. Возможно, стоило за ней приударить.

Руслан посидел еще немного, оттягивая возвращение в унылый пасмурный день, расплатился и ушел.

Бригадир Геннадий Петрович оказался краснолицым, лысоватым мужиком под шестьдесят, с нервными пальцами, в которых постоянно что-то крутил.

– Раньше-то на погрузке работал? – критически оглядывая кандидата, пробухтел он и переложил бумаги с одного угла стола на другой.

– Случалось, – пространно ответил Бажин.

– Так случилось или работал? – Геннадий Петрович взял ручку, повертел, сунул обратно в подставку. – А?

– Справлюсь.

– В армии служил?

– Служил.

– Бухаешь?

– Нет.

– Набухаешься – уволю, – благодушно пообещал работодатель. Постучал пальцами по крышке стола, задумавшись, затем решительно встал. – Ладно, пошли. Выдам тебе спецодежду. Завтра чтобы без опозданий.

Руслан последовал за ним из кабинета, усмехаясь про себя. Это было самое быстрое собеседование в его жизни.

Перевалило за полночь, а сна не было ни в одном глазу. Учитывая, что в конторе ему нужно появиться в шесть утра, а вставать соответственно в пять, Руслан понимал, что выспаться вряд ли удастся. Он лежал на кровати, закинув руки за голову и уставившись в серый потолок. Его охватило еле заметное, неприятное волнение, словно бы он стоял на пороге чего-то важного, готового вот-вот произойти. Он давно научился контролировать свои эмоции, мог сохранять спокойствие в ситуациях, вызывающих панику у большинства людей. Но вот с этим тревожным, «предстартовым» мандражом ничего поделать не мог. Он настигал его каждый раз перед началом чего-то нового, и он старался не замечать его. Просто сейчас волнение казалось сильнее, чем обычно. Это проклятый городок играл на нервах.

Бажин закрыл глаза, стараясь успокоиться и замедлить сердцебиение. Он расслабил каждую мышцу, представляя, как тело наливается тяжестью и его затягивает в темный медлительный водоворот. Все глубже и глубже, на самое дно, где нет ни света, ни звука, ни запаха. Плавное течение уносит все мысли, оставляя блаженную пустоту, где...

– ... Нельзя выходить за черту! Слышишь, мелкий ублюдок?! Ты забыл? Забыл, что тебе велели? – разрывающий перепонки крик вибрирует над самым ухом и становится все громче и громче. И тот, кому принадлежит этот хриплый, полный ненависти голос, вдруг возникает из темноты, подобно злему гиганту из детской сказки. Он все ближе и ближе; в его черных глазах плещется безумие.

– Ты сам вынуждаешь меня на крайние меры! – Здоровенный кулак, как в замедленной съемке, взмывает в воздух, замирает в самой высокой точке и вдруг начинает стремительно опускаться.

Душераздирающий крик вырвал Руслана из полусна, заставив подпрыгнуть на постели. Он резко сел, соображая, что к чему, и бросился к окну. Крик донесся с улицы, но, как Бажин ни вглядывался, никого не увидел. Только лужи на разбитом асфальте поблескивали под звездами – к ночи тучи разошлись, открыв черный, испещренный огнями небосвод. Несколько секунд Руслан раздумывал, затем наспех оделся и вышел из дома.

Влажная прохлада облепила лицо. Он поморгал, окончательно проснувшись. Прошагал по тротуару до угла, постоял, прислушиваясь. Никаких звуков и голосов. Тихо. Бажин развернулся и побрел обратно.

* * *

– Ты что-то рано, – одобрительно хмыкнул Иваныч. – Посиди пока или поразминайся. Полчаса еще. Мне с мелкотой закончить надо.

Саша кивнула и уселась на лавку у стены. Достала из сумки кроссовки, переобулась.

В зале было шумно. Тренировка у малышей шла полным ходом. Одни спарринговались, вторые выполняли общефизическую подготовку, третьи отрабатывали приемы у груши. Сашке нравилось приходить пораньше, чтобы понаблюдать за священнодействием. Она когда-то тоже пришла к Иванычу десятилетней пигалицей, не с просьбой даже – с требованием сделать ее сильной и смелой. Тренер тогда усмехнулся, спросил, для чего ей понадобилась сила. Саша тут же выложила:

– Чтобы пацанов в классе бить. Надоели.

– Сурово, – подавил улыбку Иваныч. – Спортивную одежду с собой взяла? Раз ты такая боевая, вон, раздевалка.

Боевая-то боевая, но ох и сложно ей пришлось в первый год. Не бросила только из упрямства. Что она, хуже остальных? Они тоже устают и не жалуются. Делать скидку на то, что она единственная девочка в секции по боксу, ей даже в голову не приходило. Помогло еще и то, что мать сильно протестовала, не хотела, чтобы дочка занималась «этим жестоким, мужским спортом». Саша не могла пойти у нее на поводу. Она принимала свои собственные решения и несла за них ответственность. А мама... Слишком разные они с мамой...

На второй год стало заметно легче. Регулярные занятия наконец возымели эффект. Саша с легкостью отжималась по сто раз за один подход, набирала по сотне подтягиваний за тренировку и бегала по десять километров. Она ни в чем не уступала мальчишкам-сверстникам, а те, сперва воспринимавшие ее с известной долей сарказма, постепенно зауважали и приняли в компанию.

Позднее в секцию пришли и другие девчонки, но частью настоящего, сплоченного коллектива они так и не стали. Сашу это радовало. Для нее спортзал стал вторым домом. А может быть, даже первым. Здесь ее понимали, разделяли ее интересы и не учили жизни. Тренировки делали Сашу сильнее. А дом – где мама, завтраки и теплая постель – ослаблял.

Отца Саша никогда не знала. Мать говорила, что он был военным и погиб, отважно защищая родину, когда дочка была еще совсем крошечной. По малолетству Саша верила, а потом поняла – ложь все это. Мама нагуляла ее с одним из многочисленных кавалеров, которые в изобилии появляются на побережье в летний сезон. Ухажер уехал, а живот остался. На аборт мать не решилась – пришлось рожать. А для ребенка выдумала сказочку про военного...

Саша маму не осуждала. Но предпочла бы, чтобы та не юлила, а говорила правду. Что сложного в честности? Почему для большинства людей не врать – задача непосильная? Такое впечатление, что весь этот огромный, невероятный мир держится на одной лжи. Тронь его, копни поглубже – и он рухнет, как лишенный фундамента соломенный домик. Только пыль по ветру полетит.

В спортзале врать невозможно. Если ты ленишься, щадишь себя, то разоблачение не заставит ждать. Ты сам себя выдашь. Вернее, твоя слабость. Сашке не очень везло в ее недолгой пока еще жизни. Но то, что восемь лет назад она сообразила прийти в этот зал, к Иванычу, считала настоящей удачей. Бог с тем, что отца у нее нет. Зато есть тренер.

Борис Иванович Сомов был местной легендой. Сашка знала историю его успеха назубок. Среди ночи разбуди – расскажет с выражением, без запинки.

Он родился и вырос в этом городе. В возрасте тринадцати лет родители увезли его в Москву. Там-то он и увлекся боксом. Вскоре уже успешно выступал среди юниоров, а в 1988-м на Олимпийских играх в Сеуле дошел до полуфинала. Затем два года подряд становился чемпионом Европы. После чего, одержав на любительском ринге 220 побед в 230 поединках, перешел в профессионалы. В своем дебютном профессиональном бою Борис победил техническим нокаутом во втором раунде не имевшего поражений Винсента Брауна. За полгода он провел десять боев, во всех одержав победы нокаутом, за что получил прозвище Apocalypse – Апокалипсис.

В одиннадцатом по счету профессиональном поединке он встретился с опытным Артом Джиммерсоном, имевшим на тот момент на своем счету сорок три выхода на профессиональный ринг.

С первых же минут Апокалипсис атаковал противника разнообразными ударными сериями. Во втором раунде Джиммерсон активизировался и пару раз удачно ударил соперника справа, но не смог уйти от очередной длинной атаки Бориса. Два правых красса и три акцентированных удара слева отправили чемпиона в нокаунт. Джиммерсон поднялся на счет семь, но сопротивлялся вяло и вновь пропустил мощную серию ударов. Рефери остановил поединок, зафиксировав победу Бориса техническим нокаутом.

Карьера шла в гору, и в 1998 году в Америке планировался бой Сомова за звание чемпиона мира. Апокалипсис был в отличной форме, и мало кто сомневался в его победе. Но неожиданно, за неделю до намеченного события, он отказался от участия и ушел в подполье.

Что тогда случилось, никому не известно. В прессе бродили слухи, но внятной версии никто так и не озвучил. В расцвете своей карьеры Иваныч все бросил, отказался от перспектив и вернулся на малую родину. Устроился учителем физкультуры в школу, открыл секцию экстремального бокса. Занятия проводил для всех возрастов: и для детей, и для подростков, и для взрослых. Тренировал не для соревнований. Главной задачей ставил крепкую физическую форму и умение постоять за себя.

Крутой характер тренера выдерживали не все, он и прикрикнуть мог, и по шее дать, если кто-то из старших борзел. С малышкой он, конечно, деликатничал, и те его обожали. А со взрослыми ребятами не церемонился, хотя без причины никогда не ругал.

– Санек, здорово! – Широкоплечий парень тряхнул рыжей шевелюрой и остановился рядом.

– Привет, Мэджик, – откликнулась Саша. – Что, рука зажила?

На прошлой неделе Артем ушиб запястье, и даже грозный Иваныч разрешил ему пропустить пару тренировок. Мэджик на такую «доброту» не повелся, угадал, что это проверка. От щедрого предложения отказался. «Вот и правильно, – похвалил его тренер. – Вышли из строя руки – переключи внимание на ноги».

– Да нормально все. – Мэджик уселся рядом, достал из кармана эластичный бинт и принялся перевязывать запястье. – Про Артурчика слышала?

– Конечно.

Они многозначительно переглянулись и замолчали.

Во взрослую группу Саша перешла два года назад, когда ей исполнилось шестнадцать. Иваныч сделал для нее исключение. Несмотря на то что занимались здесь в основном парни от восемнадцати и старше, вписалась она хорошо. Половину ребят знала давно – вместе занимались сперва в детской, затем в подростковой группе. А со второй половиной познакомилась по ходу тренировочного процесса.

Секция хоть и носила название «Экстремальный бокс», одним боксом занятия не исчерпывались. Скорее это напоминало секцию по интересам. И главным интересом здесь являлся адреналин. Иваныч даже выдумал проводить еженедельные забеги на выносливость. Стартовали у леса, всей толпой, и вперед через бурелом, овраги, холмы до обозначенной на карте финишной точки. Маршруты регулярно менялись и усложнялись, чтобы участники не заскучали. Было весело и сложно, особенно осенью и зимой, когда грязь под ногами добавляла к каждому шагу несколько дополнительных килограммов. Но с каким же кайфом Саша завершала дистанцию, едва не падая от усталости, но гордая и сияющая. Она не уступала парням, и ей это нравилось.

Подтянулись еще несколько ребят; одни отправились напрямик в раздевалку, другие расселись на лавке, ожидая начала тренировки.

С развлечениями (особенно зимой) в городе было туго. Часть молодежи уехала в краевой центр на учебу, а те, кто остался, разделились на два лагеря – одни ходили к Иванычу, другие бухали. Дополнительных вариантов не имелось. Мать настаивала, чтобы Саша тоже отправилась в мегаполис, поступила в институт, зажила полной жизнью. Там и перспектив больше, и жизнь поинтереснее.

– Ты уже давно переросла это место. Каждый уголок здесь знаешь, – с ласковой настойчивостью уговаривала мама. – А там столько всего нового! И жизнь течет по-другому.

Да, Саша знала здесь каждый уголок. Но разве это плохо? Ей комфортно в привычной обстановке, за синей птицей она не гонится. Ее синяя птица вот она, над головой, каждый божий день. Все ее созвездия Саша наизусть выучила.

После окончания школы она поступила в местный социально-педагогический колледж, не обращая внимания на мамины вздохи.

– Ну отучишься ты в колледже, а что потом делать-то будешь? Как я, обслуживающим персоналом работать? – восклицала она.

Саша не знала, что будет делать потом. Обычно в восемнадцать лет все мысли только о будущем. А Саша, наоборот, в будущее предпочитала не заглядывать. Не из-за страха перед неизвестностью. Не из философских побуждений. Будущее было слишком странным, субстанцией из другой плоскости, куда ей, как ни пытайся, не попасть раньше времени. Гораздо лучше она ориентировалась в настоящем.

Гарик Гоп хлопнул ее по плечу и устроился рядом.

– Что, Санька, размышляешь, как меня нокаутировать? – хохотнул он.

– Отвали, – беззлобно отмахнулась она. Гоп, он же Глобальная Ошибка Природы, парень веселый, но приставучий. Ростом пониже Сашки, но крепкий. Весили они примерно одинаково, Иваныч иногда ставил их в пару. Саша догадывалась, что парни не лупят ее со всей дури – все-таки девочка. Но сама молотила без пощады. Иногда даже получалось отправить кого-то в короткий нокдаун. Но только не Гарика. Этот зараза был такой юркий, в лучшем случае слегка задеть получалось. А он еще и лыбился во время спарринга. Мол, ну же, детка, поймай меня, если сможешь. Скотина.

– Хочешь, я тебе нарочно поддамся, а? Хочешь? Зарядишь мне со всей силы прямо в физиономию! – не унимался Гоп. – Только кожаный лифчик надень и ботфорты, лады?

Саша одарила его красноречивым взглядом и промолчала.

– Не лезь ты к ней, – посоветовал Мэджик. – Не видишь, она энергию накапливает?

– Идиоты, – еле сдержала улыбку Саша и несильно пнула Артема.

– Скажи, Санька, какая твоя самая сильная фобия? – сменил тему Гоп. – Помимо смерти родных.

– Не думала об этом.

– Паралич?

– Наверное. – Саша пожала плечами. – Что за вопросы дурацкие?

– А кусок печени ты бы для своего племянника отдала? – поговорить Гарик любил так же самозабвенно, как и подраться.

– Нет у меня племянников!

– А если бы были?

– Не знаю. Не хочу об этом! – Саша начала сердиться. Вот прицепится же, как клещ!

– С тобой, Санька, совершенно не о чем поговорить, – подвел итог Гарик.

Тренировка у малышей завершилась, но Иваныч задержал одного мальчишку, отвел в сторону и велел подождать. Сам ушел в подсобку и очень скоро вернулся, принес новые кеды. Вручил их пацану, что-то сказал и, потрепав его светлую макушку, подтолкнул к выходу.

В этом был весь Иваныч. Сам зарабатывал копейки, а всегда находил возможность помочь детям из неблагополучных семей. Сколько раз Сашка наблюдала, как тренер приводил в зал новеньких ребяташек – запущенных, неряшливых. Иные родители и хотели бы, да не могли обеспечить детям достойное существование. Иваныч тренировал их бесплатно, да еще подкидывал то одежду спортивную, то обувь.

– Чего сидим? – гаркнул тренер, поймав ее взгляд. – Разминку начинаем!

В сухую погоду бегали на свежем воздухе, наматывая круги вокруг квартала. В сырую, такую, как стояла весь минувший месяц, разминались в зале начиная со скакалок и челночного бега от стенки до стенки, чтобы прогреть мышцы.

Сашу завораживал этот процесс – когда по команде все отдельные «шестеренки» начинают движение, постепенно превращаясь в один подвижный, ладно работающий механизм. Еще минуту назад статичный зал теперь наполнился энергией и, подобно локомотиву, набирал и набирал мощность.

Саша улыбнулась Патрику, тихому пареньку, на шесть лет старше ее, и приняла упор лежа. Сейчас несколько резких отжиманий, затем ходьба на корточках и серия упражнений на координацию. Рваный ритм – лучший способ увеличить выносливость.

– Малыша с Прицепом нет, – промышчал пристроившийся рядом Мэджик.

– Опаздывают? – предположила она, не прерывая упражнение.

– Предупредили бы, – резонно заметил тот и тут же заткнулся от грозного окрика:

– Вы сюда языками пришли чесать?

Саша осторожно огляделась. И правда, двое приятелей отсутствовали. Ох и устроит им Иваныч разнос... Димка и Васька были друзья не разлей вода. По имени их никто не называл, все больше Малыш да Прицеп – понятно ведь почему?

Саша по-хорошему завидовала такой дружбе. Приятельницы у нее, конечно, водились. С сокурсницами из колледжа всегда можно поболтать о разном. Но настоящей подруги – чтобы всеми секретами поделиться, всеми горестями – такой не было. Девчонкам в основном нравится обсуждать наряды да косметику, а Сашка от этого зевала. Краситься она не умела, в красивой одежде не разбиралась. А вот тему спорта поддержала бы с радостью. Наверное, поэтому с парнями ей общалось проще.

Мама по этому поводу постоянно вздыхала. Как же так, без подруг? Ты же девочка! По магазинам пройдишь, купи себе платье, наведайся к парикмахеру. В такие моменты Сашке хотелось сквозь землю провалиться. Неужели мама не видит, что ни новое платье, ни новая прическа существенной разницы не внесут? Саша же не слепая, в зеркало смотрит. И не обманывается насчет своей внешности. Может, у нее и тонкая изящная душа, но щеки круглые, руки пухлые, талия широкая. В любом женском наряде она будет выглядеть как цирковая медведица в сарафане. Поэтому она предпочитала носить брюки и просторные худи.

Саша себе не нравилась, но училась не делать из этого трагедии. Не все женщины рождены для балов во дворце. Некоторым комфортнее в спортивном зале. Занимаясь на тренажерах или боксируя грушу, Саша не чувствовала себя толстой и некрасивой.

– Встаем в пары, – окрик тренера оторвал ее от невеселых мыслей. – Самсонов с Агеевым на ринг, остальные отрабатывают вчерашнюю схему, акцент на скорость! Начинаем! Менджусов, сегодня налегай на левую руку, правую побереги.

Тренировка перевалила за середину, когда в зал ввалился бледный как смерть Прицеп. Прошел вперед прямо в уличной обуви (немыслимое дело) и остановился как вкопанный. Под его ботинками медленно растекалась грязная лужица.

Иваныч зло прищурился, уже планируя устроить ему отповедь, но тот поднял полубезумные глаза и пробормотал:

– Малыша убили... в канаве нашли... с перерезанным горлом...

* * *

– Да говорю же тебе, мои ребята все там обшарили, ничего полезного не обнаружили. – Начальник районного УВД, подполковник полиции Матвей Сергеевич Асадчий восседал за столом, наблюдая, как ходит по кабинету из угла в угол его давний приятель. – Работаем еще, дай только время. Но, судя по всему, постарался или профи, или реальный везунчик. Никаких улик не оставил.

– А что почтальонша, которая труп нашла, сказала? – волновался Сомов.

– Да что она сказать-то могла, Иваныч? – Асадчий смиренно развел руками, незаметно взглянув на часы. Полдесятого вечера, ему уже давно следовало отправиться домой. – Она там чуть в обморок не бухнулась, прооралась да вызвала нас.

Сомов в бессилии сжал кулак, мечтая впечатать его во что-нибудь твердое, но тут же взял себя в руки. Еще разобьет какую-нибудь цацку в кабинете, Асадчий потом весь мозг выключет. Окружил себя дорогим бессмысленным барахлом и радуется, тьфу.

– Давай так, – предложил подполковник, видя негодование друга. – Как только у нас что-то появится, я тебе сразу сообщу, договорились? А сейчас-то ты от меня чего хочешь? Не раскрою я тебе за сутки убийство. Серьезное тут дело.

– Хорошо, – неохотно согласился Сомов. – Извини, что напряг.

– Какой там напряг, Иваныч, ты чего? Я, что ли, не понимаю? Случай-то особенный. – Он поднялся из-за стола, протянул ладонь. – Давай позвоню тебе завтра, если что появится. А ты предупреди своих пацанов, чтобы не совались. Без них специалистов хватает.

Сомов хмыкнул, пожал руку и вышел из кабинета в узкий, тускло освещенный коридор здания районного УВД. Сидевший на скамье у стены парень вскинул голову, вопросительно уставившись на тренера.

– Пошли, Василий, – мрачно позвал Иваныч. – Поговорим в другом месте.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу.

– Пешком пройдемся, – уточнил Сомов. Нужно было успокоиться, продышаться.

Около часа назад, когда Прицеп ворвался в зал с ужасной новостью, все на мгновение оцепенели. Кто-то, наверное, даже подумал, что Васька так по-дебильному шутит. Впрочем, одного взгляда на его окаменевшее лицо хватило, чтобы мгновенно отмести такое предположение. Он говорил правду. Димка, Малыш, на самом деле мертвы.

Как, твою мать, подобное могло произойти? За последние несколько лет в городе заметно поубавилось криминала. Кто и почему напал на Малыша? Он парень безобидный, в уголовщине не замешан. Работал в порту, жил спокойно и тихо. К тому же в секции занимался. Местные хорошо понимают, что это значит, никто не рискнул бы ополчиться против

ученика самого Апокалипсиса. Его парни конфликты не провоцируют, но за себя и за других постоять умеют. Он об этом позаботился.

Эксперты-криминалисты следов борьбы на теле не обнаружили, и этот факт в голове никак не укладывался. Что же получается? Кто-то просто подошел, без напрягов полоснул ножом по шее почти двухметрового, между прочим, Малыша и спокойно удалился? Ни телефон, ни деньги не взял – значит, не ограбление.

– Враги у него были? – спросил Сомов, поморщившись: слишком уж кинематографичным получился вопрос.

– Какие враги! Скажете тоже, – сплюнул Василий.

Они молча прошли два квартала и остановились у «Кроличьей норы». Иваныч дернул за ручку: открыто ли? И шагнул внутрь.

В пустом зале Лика вытирала тряпкой столы.

– Водки нам принеси, – попросил ее Сомов, отодвигая стул и усаживаясь в дальнем углу.

– Вы же не пьете, – удивился Василий, садясь рядом.

– Не пью. – Он помолчал. – Расскажи мне, чем вы занимались последние дни. От начала и до конца, поминутно. Что делали, с кем общались, кто мимо проходил. Все мелочи.

И Прицеп рассказал.

Сомов смотрел на горевшие над баром светильники и гадал: что последнее увидел Малыш? Лицо собственного убийцы? Испачканное кровью лезвие? Звезды, быть может? Хорошо, если звезды. Они умиротворяют, отвлекают от реальности.

Восемнадцать лет назад тридцатилетний Сомов вернулся в родной город, раздавленный, лишенный цели и ориентиров. Стояла середина лета, и ночи напролет он проводил на пляже, бездумно пялясь в черную пропасть над головой. И думал. Бесперывно думал. Тогда ему казалось, что жизнь кончена. Никогда ничего не будет. Он потерял единственный смысл своей жизни и не знал, не умел существовать без него.

Большинство мальчишек приводит в бокс одна и та же причина – желание научиться постоять за себя. Стать сильнее, уметь отвечать ударом на удар. Моххамед Али решил заняться боксом после того, как в двенадцать лет у него украли велосипед. Он поклялся, что изобьет того, кто это сделал. Но сперва этому нужно было научиться. Он записался в местный спортзал и спустя короткое время стал самым известным боксером в мире.

Апокалипсиса заняться боксом вынудил переезд в столицу. В родном городе у тринадцатилетнего пацана проблем не имелось, все друг друга знали с пеленок, конфликты решались быстро и любовно. В Москве его ждала другая реальность. В школе новичка задирали, а дворовая шпана постоянно затевала драки, показывая, кто тут хозяин. Борис приходил домой с синяками, а интеллигентные родители вздыхали и твердили, что лучшее оружие – это слово.

– Всегда можно договориться, – убежденно говорила мать, а отец, соглашаясь, кивал. – В следующий раз вежливо объясни, что насилие ни к чему хорошему не приводит...

К своему стыду, Борис сперва поддавался уговорам родителей и пытался найти с задирками общий язык. Но лишь получал сильнее: его вежливость и нерешительность еще больше распалили смутьянов. Однажды вечером после очередной драки, поднимаясь по лестнице и сплевывая кровь, Борис понял, что терпение достигло предела. Слишком тесно ему стало в рамках христианской морали. Он чувствовал, что способен на большее, чем покорно подставлять вторую щеку. Возможно, для родителей непотворение злу являлось уютной и комфортной идеологией, его же она душила...

На следующий день Борис записался в детско-юношескую спортивную школу бокса... Мать протестовала, а отец бросил насмешливое: «Да пусть попробует! Все равно через месяц бросит!»

Иногда одно простое решение полностью меняет жизнь, переворачивает мир с ног на голову, заставляя понять нечто важное. Бокс открыл мальчишке новую неизведанную реальность, в которой по-настоящему ценное выходит на первый план, а суета остается далеко позади. И ты даже не прикладываешь усилий – просто тренируешься до седьмого пота, не замечая ничего вокруг, а реальность за пределами ринга начинает меняться, подстраиваясь под твои нужды. Исчезают нахальные взгляды и оскорбления; больше никто случайно не задевает тебя плечом, проходя мимо; не дававшие прохода хулиганы теперь в упор не замечают тебя, шагающего по двору; бесконечные родительские упреки отныне оставляют тебя равнодушным, не ранят.

Все наносное, неправильное, все то, что, как ему казалось, составляло его личность, рассыпалось в прах. Остался лишь стержень, прочный, жесткий, на который слой за слоем он наращивал новое «я».

Какими глупыми и незрелыми теперь воспринимались прежние проблемы. Никогда ему не дышалось так легко и свободно. У него появилась цель, маниакальное стремление, поглотившее его целиком. Каждое утро он вставал с постели с единственной мыслью и с ней же засыпал. Он мог стать лучшим. Знал, что мог. У него имелось для этого все необходимое...

– Вот, закусите. – Лика поставила на стол тарелку с нарезанной колбасой и маринованными огурцами. Постояла в нерешительности и тихо отошла, так и не задав крутившиеся на языке вопросы.

Сомов проводил ее взглядом и перевел его обратно на сидевшего напротив парня:

– Значит, едва не подрался с тем хмырем, говоришь?

Василий кивнул.

– А чужак этот, как вел себя? – уточнил Иваныч.

– Да как? Предлагал выйти поговорить на улице. Самоуверенный такой.

– Как он тебе показался?

– Не знаю, – честно признался Прицеп, изучая пустую рюмку. – Мутный какой-то. Димке он сильно не понравился. Он за ним приглядывал последние дни, все пытался вычислить, чего ему в городе понадобилось, откуда приехал и зачем.

– И что, вычислил?

– Если бы... – Василий выдержал паузу и вдруг встрепенулся. – Думаете, это он мог Малыша?..

– Я пока ничего не думаю, – сердито процедил Сомов.

То, что Малыш не оказывал сопротивления и позволил убийце подойти почти вплотную, могло означать, что он не чувствовал угрозы. Например, знал убийцу. Только очень сомнительно, что это кто-то из своих. Свои бы затеяли разборки, подрались бы, спустили пар и угомонились. Здесь же речь шла о хладнокровном убийстве. В последние годы мокруху в городе устраивали в основном приезжие, особенно летом, когда поток туристов превышает мыслимые пределы. В связи с чем появление чужака и последовавшее за этим убийство местного слабо тянуло на обычное совпадение. И хотя делать поспешных выводов Сомов не собирался, он решил не оставлять единственного пока подозреваемого без внимания.

– Понаблюдай за ним, – велел он Прицепу. – Чем занимается, куда ходит. Только аккуратно, не отсвечивай.

Парень кивнул, борясь из последних сил, чтобы его сжатые в узкую полоску губы не дрожали.

Сомов тяжело вздохнул. Сразу после известия о смерти Димки он кинулся на поиски ответов и толком не имел возможности осознать произошедшее. И только сейчас, собрав частичную информацию и наметив план действий, он вдруг осознал, что больше никогда не увидит этого высоченного парня, который семь лет назад робко топтался у входа

в зал, не решаясь войти, и напоминал неуклюжего молодого жирафа. Сомову хватило одного взгляда на верзилу, чтобы заметить его потенциал – не физический, а духовный. Что-то было в его глазах. Редкая для нынешнего поколения неиспорченность и желание расти. Он был большим ребенком, ищущим, куда приложить свою энергию. У тренера нашлось, что ему предложить.

Следом за Малышом на бокс подтянулся Прицеп.

Сомов кашлянул, сглатывая подступивший к горлу комок.

– Послушай, Василий. – Он дождался, когда парень поднимет на него глаза. – Мы отыщем эту гниду. Чего бы нам это ни стоило.

Покидая кафе и направляясь домой, в неудобную холостяцкую берлогу, Сомов знал, что вряд ли заснет этой ночью. Восемнадцать лет назад, когда рухнули его мечты, похоронив под обломками надежду на счастливое будущее, он думал, что не вынесет и дня. Каждая секунда без цели и смысла растянулась до бесконечности, превратив настоящее в пытку. Подобное невозможно выдержать. Он приходил на пляж, ложился на остывающий песок и ждал смерти. Но смерть не приходила. Когда небо освещали первые рассветные лучи, Апокалипсис вставал и, спотыкаясь, брел на автомате домой. Тогда он еще не подозревал, что природа не терпит пустоты. Утратив привычный смысл жизни, ты обязательно обретишь новый. Если не сдашься. Если только не сдашься.

* * *

Пластиковая бутылка с водой дрожала в его руке. Десятиминутного перерыва Руслану хватало только на то, чтобы перевести дыхание и промочить горло. Он работал грузчиком всего неделю, а уже порядком выдохся.

– А что ты думал? – подначивали его коллеги, глядя, как новичок привалился к стене. – Это тебе не гантельки в зале тягать!

В общем-то, на свою физическую форму Руслан не жаловался. Гантельки он тягал такие, какие многим и не снились. Но сколько длилась тренировка? От силы пару часов, после чего он принимал душ и расслаблялся. А на погрузке рабочий день продолжался порою одиннадцать часов с короткими перекурами. Сложно без привычки.

Впрочем, раз на раз не приходилось. Вчера, например, поработали от силы четыре часа, больше заказов не было. Фуру одну разгрузили, всего и делов.

В первый же день Руслан посбивал себе в кровь все пальцы, даже перчатки не спасли. Но довольно скоро прировнялся и вовремя одергивал руки, чтобы не прищемить ящиками.

Бригадир новичком остался доволен: тот хоть и уступал в сноровке, но брал упорством и выносливостью. Кроме того, не пил.

Геннадий Петрович кричал, что увольняет любого, кто бухает, однако осуществлять свои угрозы не спешил, иначе бы остался без работников. Приложиться к бутылке любили многие, но, пока это не влияло на производительность труда, бригадир не лютовал. Но подначить сотрудников шанса не упускал.

– Что, мужики, сделать новичка начальником, а? – восклицал он, крутя в руках ключи с брелоком от автомобиля. – Парень работающий, не пьющий. Как, согласны?

– Без проблем, Петрович. Может, хоть он нам зарплату повысит, от тебя же хрена лысого дожدهшься, – гоготали те.

Коллектив подобрался веселый, мужики по сорок-пятьдесят лет. Постоянно подкалывали друг друга и балагурили. После смены скидывались на водку и закуску, до полуночи квасили, а рано утром как штык появлялись на работе. Руслан недоумевал: и как у них получается? Он от такого графика давно бы загнулся.

Контора, куда он устроился, занималась погрузками по всему городу, а иногда и за его пределами, в зависимости от заказа. Сейчас они закончили с многотонной фурой, забитой тяжеленными ящиками выше человеческого роста. Каждый весил по тысяче килограмм. Ящики спускали без гидравлического лифта. Заводили такелажные ремни под палету и металлические направляющие, наклоняли аккуратно, чтобы не превысить допустимый наклон в двадцать градусов, и спускали в восемь пар рук. А дальше уже или волочили на ремнях до места или катили на вилочной тележке. Последнюю на сленге называли рохлей, и первое время Руслан не мог взять в толк, о чем речь. Оказалось, что выражение пошло от названия фирмы-производителя – Rocla.

До вечера предстояло разгрузить еще две фуры с ящиками.

– Пять минут, и приступаем, – сообщил тощий, долговязый Егор и, затушив окурочок о столб, тут же вытянул из пачки новую сигарету. – А новенький-то ничего, бодрячком, а?

Все заржали, но Руслан не обиделся. Что правда, то правда: в последние дни от недосыпа у него не самый свежий видок. Ничего, втянется постепенно.

– А серьезно, парень, ты чем занимался-то раньше? – обратился к нему Семен, широколицый, бородатый, похожий на резко похудевшего Карла Маркса.

– Так, – неопределенно отозвался Руслан. – Всем понемногу.

– Спортсмен? – предположил Семен, указав подбородком на его бицепсы, проступающие под рукавами комбинезона.

– Физкультурник.

– У нас тут крутая секция есть, ежели интересуешься, – вмешался Егор. Затянулся и выпустил вверх упругую струю дыма. – Бокс, все по-взрослому.

– Учту, спасибо, – улыбнулся Руслан. – Хотя после такой работы я бы предпочел что-то более расслабляющее, чем бокс.

Все рассмеялись, но возникший как из-под земли бригадир оборвал веселье:

– Хорош лясы точить. Фура сама себя не разгрузит!

Руслан достал заткнутые за пояс перчатки и уже направился к фуре, когда из-за угла складского помещения появился человек в полицейской форме и преградил ему путь.

– Старший следователь Петренко. – Он показал удостоверение. – У меня есть к вам несколько вопросов.

Уже стемнело, когда Руслан покинул душное помещение, где его держали несколько часов, и вышел на улицу. Следователь привел его в кабинет и вышел. Затем вернулся и какое-то время занимался своими бумагами, в упор игнорируя Бажина, вероятно, для того, чтобы заставить его нервничать. Наконец Петренко оторвал голову от документов и спросил:

– Догадываетесь, почему вас вызвали?

Дешевый психологический трюк, к тому же незаконный. Руслан усмехнулся:

– Почему бы вам не объяснить, в качестве кого меня будут допрашивать – это во#первых. И разъяснить мне мои права – это во#вторых.

Такой подкованности следователь явно не ожидал и на мгновение смутился. После чего продолжил куда доброжелательнее.

Собственно, расспрашивали Бажина о небольшой стычке в баре неделю назад. Парня, который к нему цеплялся, обнаружили мертвым, и сейчас опрашивали всех возможных свидетелей. Ничего дельного Руслан не сказал, просто описал тот вечер в баре, стараясь не упустить какие-либо детали.

На улице было сыро и серо. Может, летом в городке и чудесно, но зима здесь пренеприятная. Мимо по разбитому асфальту промчалась машина, едва не окатив Руслана грязью, он успел отскочить в сторону, но угодил одной ногой в подтаявшую снежную лужу. Кроссовок тут же промок насквозь, потяжелел. Руслану померещилось, что большое враждебное

существо с узкими венами улиц и переулков обхватило его лодыжку и пытается утянуть в свое голодное чрево.

Возвращаться домой не хотелось: спать еще рано, а развлечений не имелось. Он постоял, раздумывая, и повернул к «Кроличьей норе». Пока это было единственное место в городе, где наваждение отступало.

Посетителей было мало: парочка влюбленных да небольшая компания за дальним столиком. Он разместился у барной стойки и заказал пиво.

– Выглядите усталым, – по-свойски прокомментировала знакомая официантка.

– Провел полдня в полиции. – Руслан бросил взгляд на ее глубокое декольте и снова подумал, что неплохо бы завести знакомство поближе.

– Едва приехали и уже во что-то вляпались? – Лика протянула ему бокал и картонную подставку.

– Хотели знать, о чем мы повздорили с парнем, которого недавно убили.

Лика мгновенно помрачнела, словно тень легла на ее хорошенькое лицо. Она тяжело вздохнула:

– Это такая трагедия... Хороший был парень...

– Вы его близко знали? – Руслан внимательно посмотрел на женщину. – Сочувствую вашей потере.

Повисла пауза.

– Вы здесь одна управляетесь? – он сменил тему. Настроение было и без того паршивое, и портить его еще сильнее неприятными разговорами не хотелось.

– В основном, – благодарно откликнулась блондинка. – Посетителей сейчас мало. Нанимаю сотрудников к началу сезона.

Они перекидывались ничего не значащими фразами, не замечая, как бегут минуты. Последние посетители расплатились по счету и покинули бар, а Руслан никак не мог собраться с духом, чтобы выйти в неприветливую стылую ночь. Он давно не чувствовал себя так неудобно. Вернее, когда-то, в прошлой жизни, это было его привычным состоянием. Но сколько времени минуло с тех пор. Он изменился, стал способен за себя постоять. И тем неожиданнее, неуместнее казалось накатившее дежавю.

– Извините, – наконец выдал он. – Вам уже закрываться пора, а я тут прилип к стойке как паразит. Вы таких клиентов, наверное, терпеть не можете. – Он достал из кармана брюк портмоне.

– Вы правы по обоим пунктам, – весело тряхнула белокурыми волосами Лика. – Но признаться, ваше общество не самое утомительное. Так что все в порядке.

Он протянул несколько купюр, пожелал ей спокойной ночи и направился к двери. Но на полпути обернулся:

– Уже поздно. Как вы доберетесь до дома? Может, вас проводить?

– Было бы неплохо, – без жеманства согласилась она. – Дайте мне пару минут.

Лика жила в пятнадцати минутах от кафе быстрым шагом, но они, не сговариваясь, выбрали неторопливый темп, чтобы растянуть короткую прогулку. Тусклые фонари плохо освещали темную узкую улицу, рассеивая свет высоко над головой. Лика споткнулась о торчавшую из тротуара плитку, схватилась за руку своего спутника и больше не отпускала.

– Вам нравится здесь жить? – спросил Бажин, пытаясь абстрагироваться от чавкающего звука под подошвами ботинок.

– Нравится. – Лика качнула головой, и ее длинные серьги приглушенно звякнули.

– Чем? Тут ведь довольно уныло.

– Разве? – Ее тонкая бровь удивленно взметнулась вверх. – Вот послушайте. – Она остановилась. – Слышите?

– Не хочу показаться идиотом, но я не понимаю, о чем вы, – глупо улыбнулся он.

– Море. Оно здесь повсюду. До него еще идти и идти, но если постараться, можно услышать отдаленный хруст гальки, когда волна откатывает назад. И запах. Зимнее море пахнет по-особенному.

– Не люблю море, – слова прозвучали резче, чем следовало. Руслан поспешил добавить: – Мне не нравится то, что не поддается контролю.

Лица с интересом уставилась на парня.

– Вы не в восторге от нашего города?

Он пожал плечами, предпочитая уйти от ответа.

– Вам нужно найти себе развлечение.

– Это прямое приглашение или пока только намек? – хмыкнул Руслан.

– Еще не решила, – хихикнула Лица, плотнее прижимаясь к нему. Тонкая курточка не очень-то спасала от промозглого холода. – А если серьезно, я имела в виду другое. Вы же к спорту имеете отношение, да?

– С чего вы взяли?

– Не от природы же у вас такие бицепсы?

Руслан обнял Лику за талию, с легкостью оторвал от земли, перенося через лужу, и аккуратно поставил на ноги.

– Когда это вы рассмотреть успели?

– Вы который вечер в баре отираетесь, глаза мне мозолите.

Руслан театрально склонил голову:

– Виновен. Исправлюсь.

– Не надо исправляться. Я уже к вам привыкла. Можете и дальше мозолить мне глаза, – великодушно разрешила Лица. – К слову, у нас в городе есть хорошая секция бокса. Может, вам туда наведаться? Будет чем занять вечера.

Руслан метнул на нее быстрый взгляд, пытаясь прочитать, что кроется за ее словами. За последние сутки ему уже дважды рекомендовали сходить в пресловутую секцию. Простое совпадение? Не то чтобы Бажин не верил в совпадения. Просто именно сейчас они казались маловероятными.

Оставшийся путь прошли молча. Руслан никак не мог расслабиться, а Лица, почувствовав его напряжение, предпочла не докапываться. У подъезда они попрощались. Металлическая дверь открылась и гулко захлопнулась за девушкой. Бажин постоял, сунув руки в карманы брюк, развернулся и быстро двинулся в сторону своего жилища.

Ночью ему снились кошмары.

* * *

Он выбрасывал кулаки с таким остервенением, что, казалось, еще минута, и прочные усиленные швы боксерского мешка разорвутся, как шелковые ниточки. Он вновь и вновь впечатывал в жесткую поверхность груши стертые костяшки, не замечая проступившую через бинты кровь. При каждом ударе рука отзывалась вспышкой боли, будто в ладонь вонзались тысячи мелких иголок. Но эта боль не злила, не раздражала, а помогала примириться со смертью друга. Если с таким вообще возможно примириться.

– Василий, полегче! – Пальцы тренера легли на его плечо и ощутимо пожали.

Прицеп не отреагировал и продолжил молотить грушу.

– Брейк, я сказал! – Иваныч рывкнул так, что шумный зал на мгновение затих. И Василий невольно подчинился. Остановился, посмотрел на тренера шальными глазами.

– Остынь, – повторил Сомов. – Посиди на скамейке.

Прицеп послушно кивнул и поплелся к лавке у стены. Сел, уперся локтями в колени и уронил в ладони лицо. Сердце бешено стучало, в ушах шумело. Он закрыл глаза и попы-

тался представить, что ничего не случались. Димка по-прежнему жив, и все в порядке. Послезавтра они поедут в краевой центр, как и планировали, чтобы оторваться на полную катушку с теми двумя девчонками... А в субботу протестируют усложненную Иванычем полосу препятствий, не упустив возможность посоревноваться друг с другом в скорости. В прошлый раз Малыш его обогнал, и сейчас Василий намеревался уравнять счет.

– Вась, – раздался над ухом женский голосок. Сашка стояла рядом и взирала на него с нескрываемым сочувствием. – Ты в порядке?

Иллюзия, возникшая в воображении, лопнула мыльным пузырем. Никуда они с Малышом не поедут. И не побегут. Они больше никогда не сделают ничего вместе. Потому что он умер. Взял и умер.

– Нет. – Василий вскинул на девушку злой взгляд. – Я не в порядке! Но не надо лезть со своей жалостью, когда тебя не просят!

– Дурак ты, – мягко проговорила Сашка. – Все переживают за тебя. Если я могу чем-то помочь...

– Ты умеешь воскрешать мертвых? – Он саркастически скривился. – Нет? Тогда ты не можешь ничем помочь.

– Александра! – окликнул девушку Иваныч. – Будешь языком чесать или вернешься к тренировке?

Сашка помялась в нерешительности, явно желая сказать товарищу что-то ободряющее, но, так ничего и не придумав, вернулась в зал.

После гибели Малыша прошло чуть больше недели, слишком короткий срок, чтобы смириться с утратой. Они дружили с детства, вместе росли и выросли. Никуда друг без друга. По малолетству каких только глупостей не делали. Однажды забрались на третий этаж и сиганули в огромную кучу листьев, собранных дворником. Ваське ничего – приземлился мягко, выбрался из кучи, отряхнулся. А Димка упал неудачно, сломал ногу. Какой это был класс? Шестой? Малыш две недели валялся в больнице, какой-то сложный был перелом. А Васька прогуливал уроки, чтобы каждый день навещать товарища. Учителя ставили неуды за неявку в школу, да разве его это волновало? Вместе потом писали пропущенные контрольные.

А однажды – лет пятнадцать им было? – шатались по городу. Поздняя весна, туристов уже полно. Возле центрального гастронома столкнулись с Елкой, так местного бомжа звали, потому что на нем вечно что-то висело: мусор, ветки, солома какая-то. Васька тогда возьми да скажи Малышу: «Сложно представить, каково это – быть бездомным». Димка тогда замер как вкопанный, глаза загорелись, видно, идея его посетила. Потом загадочно улыбнулся и сказал, что нужно срочно сгонять на родительскую дачу.

Такой дикий энтузиазм у друга проявлялся нечасто, так что Василий лишних вопросов не задавал, чтобы самому себе не испортить сюрприз. На даче Малыш зашел в сарай и начал копаться в ящиках, доставать оттуда старые шмотки. Тут-то все и стало понятно.

Они слонялись по центральным улицам, распугивая народ своим видом – драная одежда, взлохмаченные волосы, грязные руки (хорошенько потеряли их землей). Для пущей правдоподобности подбирали стоявшие возле лавок и мусорных баков бутылки, еле сдерживаясь, чтобы не заржать. Одна сердобольная румяная баба, расчувствовавшись, даже полтинник всучила, чтоб беляшей поели. Они уже направлялись к пункту сдачи стеклотары, когда повстречали директора школы. Тот сразу всполошился: мол, как же так, почему не говорили, что в семье проблемы?

Они тогда хохотали так, что чуть животы не надорвали. А директор думал, что это нервное, даже в поликлинику предлагал сводить. Добрейший человек.

Все считали, что в их паре лидер Малыш, а Васька – ведомый. Даже прицепом его называли. Но он не обижался. Он-то знал, как было на самом деле. Без его поддержки Дима действовал редко. Товарищ был способен на многое, если его регулярно пинать под зад.

Василий улыбнулся, вспомнив, каким нерешительным бывал его друг. Если нравилась какая-то девчонка – сразу впадал в ступор и вел себя как ботаник. Прицеп частенько брал инициативу в свои руки, помогал познакомиться. Обычно все заканчивалось удачно. Разве что с Анжелой у Малыша никак не складывалось. Упертая тетка.

Улыбка исчезла с его губ. В памяти всплыл их последний вечер в «Норе», когда Димка едва не подрался с чужаком. Тот вел себя достойно, но друг словно с цепи сорвался – все его раздражало.

– Не знаю, что за хрень происходит, – признался ему тогда Малыш, косясь в сторону барной стойки, у которой восседал незнакомец. – Бесит он меня. Не могу спокойно находиться рядом.

Тогда Василий не придал этому значения. Списал все на банальную ревность. Чужак подкатывал к Анжелике, понятно, почему Малыш негодовал. Но пару дней назад Прицеп снова вспомнил слова товарища. И теперь они воспринимались уже иначе.

Иваныч сильно заинтересовался незнакомцем и даже навел о нем какие-то справки. Ему же велел приглядывать за чужаком. Шпионить за ним круглые сутки у Василия возможности не было, но все-таки он находил пару часов в день, чтобы проследить за его передвижениями. И чем больше он сосредотачивался на объекте слежки, тем острее проникался навязчивым, неприятным ощущением. Что-то неуловимо выделяло чужака из толпы. Но что именно?

Иваныч не говорил прямо, хотя, очевидно, подозревал его в убийстве Малыша. Сначала эта мысль показалась Василию дикой, как, впрочем, и сам факт гибели друга. Но какая-то идея настойчиво пробивалась сквозь подсознание. И сегодня Василий наконец смог внятно растолковать ее.

А что, если Малышу не просто не нравился чужак? Что, если он предчувствовал смерть от его руки? Попахивало мистикой, и все же Прицеп не спешил отказываться от этого предположения. Мозг человека до сих пор толком не изучен. Иногда он способен проецировать невероятные вещи. Возможно ли, что каким-то образом, по неуловимым деталям, мозг Малыша рассчитал грозящую опасность и старался предупредить об этом единственно возможным способом – интуицией?

Есть шутка, что боксер – это человек, у которого правая рука срabатывает намного быстрее, чем мысли. Только Малыш не был обычным боксером. Да и никто в секции не был. Иваныч учил их большему, чем просто махать кулаками. Он учил их соображать, жить осознанно. А еще не проходить мимо несправедливости, не оставлять негодяев безнаказанными.

Если чужак виновен в смерти Малыша, они это выяснят. И тогда ничто не спасет убийцу от заслуженной кары.

Тем вечером Василий покинул бар спустя пять минут после Малыша. Они пересеклись в условленном месте, переоделись, сели в машину и поехали на задание. Информация была проверенная – вечеринка окончилась, сигнализация и камеры отключены. Они с легкостью пробрались на территорию особняка. Все сделали быстро и чисто. Малыш слишком высокий и заметный, поэтому выполнял теневую работу – держал в захвате. А Василий осуществлял непосредственный процесс.

Артурчика в городе знали хорошо. Проблемы начались около года назад. Сперва одна девушка принесла в полицию заявление об изнасиловании. Якобы сын известного предпринимателя напоил ее и воспользовался моментом без ее согласия. Тогда уголовное дело не завели – девушка отказалась от претензий. Затем еще одна девчонка обвинила Артурчика

в изнасиловании. Поднялась шумиха, подключилась пресса. Но неожиданно пострадавшая забрала заявление и от комментариев отказалась. То, что девушкам предложили щедрый откуп, понимали все. Но доказать не могли.

А затем поползли слухи, что насилию подверглась третья девочка, на сей раз несовершеннолетняя. Родителям она не признавалась, жаловалась подружкам. Сашка с ней разговаривала, и та с готовностью показывала синяки и, давясь слезами, рассказывала подробности. Дальше оставлять без внимания подобное беззаконие не представлялось возможным. Преступник заслуживал наказания. Они с Малышом обошлись с Артурчиком довольно мягко, скорее предупредили, чем наказали по-настоящему. Но почему-то не вызывало сомнений, что тот откажется от дальнейших nepотpeбств. Они ему популярно объяснили, что кое в чем деньги бессильны.

С задания они возвращались в приподнятом настроении. Хорошие поступки воодушевляют. Ты кажешься себе лучше, честнее, а на окружающий мир глядишь снисходительно и без претензий. На это состояние подсаживаешься, как на наркотик. Хочешь испытать его снова, почувствовать пружинящую энергию, от которой тело становится невесомым, а голова легкой. И проблемы отступают на задний план, и будущее не пугает, и прошлое не тревожит. Есть только упоительное мгновение настоящего, в котором ты поступаешь правильно.

Они попрощались с Малышом и разошлись по домам. На следующий день созвонились, потрепались ни о чем. А еще через день Василию сообщили ужасное известие. Никогда в своей жизни он не слышал ничего страшнее этих трех слов: «Димку, Малыша, убили!»

– Отрабатываем десять минут, затем меняемся местами! – крикнул Иваныч, подходя к Василию и усаживаясь рядом.

Сомов молчал и наблюдал за тренировкой, изредка комментируя и поправляя ошибки, и со стороны могло показаться, что он полностью поглощен этим занятием. Но Прицеп знал, что это не так. Тренер поддерживал его, избегая лишних слов, а именно это сейчас и требовалось. Пульс выровнялся, дышать стало легче.

Иваныч словно почувствовал перемену, встал.

– Давай ОФП поделай, – хлопнул его по плечу и вернулся в зал. – Самсонов! Не крути башкой по сторонам, пропустишь самое интересное!

Василий размотал испачканные кровью эластичные бинты, оставил их на скамейке и направился к перекладине, чтобы начать с подтягиваний. В этот момент в дверях появился чужак. Потоптался в нерешительности, изучая обстановку, и несмело шагнул внутрь. Встал у стены, не решаясь к кому-либо обратиться – тренировка была в полном разгаре. Иваныч заметил его сразу, но подошел лишь спустя пять минут. Прицеп успел сделать несколько подходов на подтягивания и теперь напряженно вслушивался в их беседу, пытаясь хоть что-нибудь разобрать.

* * *

– Словом, группа довольно продвинутая, – подвел итог Сомов. – Но, судя по твоим рассказам, кое-какая подготовка у тебя имеется, так?

Бажин кивнул.

– Тогда переодевайся, вон комната. – Он указал рукой. – И выходи, прикидку сделаем.

Парень снова кивнул, подхватил с пола спортивную сумку и исчез за дверью раздевалки. Сомов постоял, раздумывая, затем повернулся к залу и окликнул русоволосого парня с веснушчатым лицом:

– Патрикеев, подойди!

Иваныч был единственным, кто звал его по фамилии. Остальные уже давно использовали сокращенную версию – Патрик. А некоторые считали, что это его настоящее имя. Хотя на самом деле Патрикеева звали Петя.

– Сейчас новенький выйдет, встанешь с ним на ринг. Он потяжелее, но, думаю, проблем у тебя не возникнет. Пощупай его, погоняй осторожно, без фанатизма. Возьми из подсобки вторую пару перчаток.

– Понял, – коротко ответил Патрик и пошел за перчатками.

Сомов проводил его взглядом, думая о своем. На завтра намечалось важное мероприятие, и он постоянно отвлекался на мысли о предстоящем событии. Он тряхнул головой, заставляя себя переключиться.

Пока новенький разминался, Сомов исподволь наблюдал за ним, и не он один. Все остальные нет-нет да бросали в его сторону любопытные взгляды. В старшую группу новички попадали нечасто. Почти никогда.

На ринге Бажин сразу встал в правильную боксерскую стойку: левая нога впереди, правая на шаг позади и на полшага вправо, колени полусогнуты, вес тела распределен равномерно на обе ноги, но правая нагружена чуть сильнее, левая рука согнута, вынесена перед туловищем, локоть опущен, левый кулак на уровне плеча, правый – справа у опущенного к груди подбородка и повернут внутрь. Расстояние между стопами тоже идеальное, баланс стойки между «высоко» и «тяжело».

Каждую тренировку Сомов начинал с проверки основной боевой стойки. Правильное положение тела в боксе позволяет максимально эффективно наносить и отражать удары и быстро занимать выгодную позицию. Таков фундамент, на котором строится успешный поединок. Некоторым ученикам приходилось вдальбивать это по многу раз.

Сомов придирчиво сощурился: передвижения по рингу у новенького не идеальные, но умелые, уверенные. Сам не тушует. На выпады противника реагирует быстро, идет в контратаку. Даже умудрился раскусить обманку Патрикеева. Тот нанес несколько легких ударов левой в голову, а затем отвел руку назад для взмаха, делая вид, что собирается повторить прием, а сам ударил в голову правой. Бажин успел отклониться и провести финт – удар снизу в туловище. Техника, конечно, хромала, но в целом выглядел новенький поразительно неплохо. Видно, что занимался.

«Пожалуй, с такой реакцией даже может выиграть у более техничного Патрикеева», – мысленно прикинул Иваныч. Впрочем, так далеко загадывать не стоило. Он показал жестом прекратить бой.

– Так чем ты, говоришь, занимался? – уточнил Сомов у Руслана, когда тот перелез через канаты и спустился вниз. – База у тебя есть.

– Всем понемногу. – Бажин развязал зубами шнурки и снял одну перчатку, потом вторую. Бережно положил их на настил. – Борьба, бокс, рукопашка...

– По уровню ты вписываешься. Так что, если есть желание, добро пожаловать. Тренировки четыре раза в неделю, плюс в субботу иногда развлекаемся в лесу.

– В лесу? – Руслан улыбнулся. – Звучит интригующе.

– Когда втянешься – приглашу, сам увидишь, – пообещал Сомов. – А сейчас, если не выдохся, присоединяйся. С народом познакомишься уже после тренировки.

Накануне Иванычу позвонил Асадчий из УВД, сказал, что его ребята допросили чужака, но не нашли за что зацепиться.

– Он то ли абсолютно невиновен, то ли больно умен, – бросил в трубку подполковник. – На допросе на провокации не велся. Так что порадовать тебя пока нечем. По уликам голяк. Но ты не отчаивайся. Не бывает идеальных преступлений. Что-нибудь да всплывет.

– Серьезно? – не сдержался от сарказма Сомов. – Сколько у тебя висяков за прошлые годы? У нас в стране практически каждое второе преступление остается нераскрытым!

– Да знаю, знаю я, – огорчился Асадчий. – Не надо мне тут статистикой в морду тыкать, и без тебя в курсе. Да только всяков много не из-за того, что преступники ошибок не допускают, а оттого, что ресурсов у нас не хватает.

– Это ты мне пожаловаться, что ли, на свою нелегкую долю хочешь?

– Вот ведь докопался, а! – выпалил Асадчий, в трубке послышалось, как он с досадой хлопнул рукой по столу. – Толку-то тебе жаловаться, ты все равно будешь свое гнуть. Я все силы кинул на это дело. Имей терпение.

В общем, путной информации Сомов так и не получил, но отчаиваться не спешил. Если полиция облажается, как это часто бывает, найдутся другие методы вычислить убийцу.

В конце тренировки сделали подкачку и очень легкую растяжку. Многие тренера настойчиво рекомендуют своим подопечным тщательно растягивать мышцы, но Иваныч придерживался противоположного мнения. Стретчинг замедляет прохождение нервных импульсов в мышцы, что делает их слабее и заметно снижает скорость удара. Хочешь фанатично растягиваться – иди в гимнастику. С прямым шпагатом на ринге тебе делать нечего.

Именно эту фразу: «На ринге тебе делать нечего» – юный Сомов слышал десятки раз с десятками интонаций, от отчаянных до угрожающих. Звучали они то из уст отца, то из уст матери. И чем больших успехов он достигал, тем сильнее стонали родители. Он иногда даже в зале ночевал, лишь бы не возвращаться домой и не слышать бесконечные причитания о том, каким должен быть интеллигентный юноша. А гонору у него меж тем прибавлялось. К своему первому поединку на юниорских соревнованиях Борис подошел с настроением на нокаут. Тренер видел в нем перспективы, юный боксер находился в отличной форме и обладал бойцовским характером.

И что же в итоге? Противник оказался равным по силе. Первые два раунда они топтались, пытаясь достать друг друга. К третьему раунду сдохли оба. Обнимались, огрызались и считали секунды до конца поединка. Сомов тогда выиграл по очкам с минимальным перевесом, но накрепко запомнил: не хорохориться перед боем. Работа предстояла адова. И начинать следовало с дыхалки – своего слабого места.

Толпившиеся возле раздевалки парни громко заржали. Сомов подошел ближе:

– По какому поводу детский задорный смех?

– Да вот Гарик новый анекдот рассказал, – объяснил стриженный почти под ноль Самсонов и толкнул товарища локтем. – Повтори!

Того упрашивать не пришлось:

– Боксер жалуется врачу на бессонницу. Доктор спрашивает: «А вы считать пробовали?» – «Пробовал. На счет девять вскакиваю!»

Все снова засмеялись, а Сомов сдержанно улыбнулся:

– Да, действительно, новый анекдот. Я его буквально лет десять назад слышал.

Его слова потонули во взрыве хохота.

Новичок стоял в толпе, в общем веселье не участвовал, но и уходить не спешил. Сомов незаметно кивнул Прицепу и скрылся в подсобке. Спустя несколько секунд следом вошел Василий.

– Я тут вот что подумал. – Иваныч уселся на стол и испытующе посмотрел на парня. – Насчет завтра. Тебе, наверное, не стоит...

Тот моментально вспыхнул:

– Почему не стоит? Я хорошо подготовлен!

– По поводу твоей подготовки я не беспокоюсь, – озабоченно проговорил тренер. – А вот твое эмоциональное состояние мне не нравится.

– К черту мое эмоциональное состояние! – нервно воскликнул Прицеп. – На деле это никак не отразится.

Сомов размышлял, трогая подбородок и не сводя с ученика задумчивого взгляда.

– Я не подведу, – чуть тише добавил Василий. – Обещаю.

В том, что парень не подведет, Сомов почти не сомневался. Кровь у него бурлит, но контролю поддается. А вот отсутствие одного из участников команды может губительно повлиять на все мероприятие. Все-таки Василий знал, что и как нужно делать.

– Ну чего вы молчите? – Прицеп скрестил руки, намереваясь спорить до последнего. – Я участвую!

– Хорошо.

– Что? – не уловил он.

– Хорошо, ты участвуешь. – Сомов поднялся со стола. – А теперь вали домой и выспись как следует.

Парень широко улыбнулся:

– Понял! – и поспешно выбежал из подсобки, от греха подальше, пока тренер не надумал изменить решение.

Иваныч оглядел тесное помещение. Стол, стул, шкаф, полка во всю стену со спортивным инвентарем. Тусклая лампочка над потолком. Если бы лет двадцать назад кто-то сказал амбициозному, самоуверенному Апокалипсису, что его дальнейшая жизнь будет крутиться в четырех стенах с плохой побелкой, в лучшем случае не поверил бы, а в худшем наподдал бы по печени.

Зал уже опустел. У скамейки валялись оставленные кем-то боксерки. Квадрат ринга одиноко темнел в глубине зала, груши висели неподвижно. О том, что буквально несколько минут назад здесь бурлила жизнь, напоминал только висевший в воздухе густой запах пота. Сомов забрался на батарею и поддел штырь на раме, открывая узкое длинное окно.

Это заброшенное одноэтажное здание прямо в центре города пустовало несколько лет, пока Иваныч не взял его в аренду и полностью не переоборудовал. Крыша протекала, от стен и бетонного пола тянуло сыростью, проводка перегорела. Почти год ушел, чтобы довести помещение до ума. Конечно, здесь отсутствовали зеркала от пола до потолка, кожаные диваны и прочие удобства, которыми оснащены гламурные фитнес-центры. Но это место стало убежищем. Он мог прийти сюда в самом паршивом настроении, злой и неудовлетворенный, но едва переступал порог на черный резиновый настил, дурные мысли мгновенно покидали его.

Возможно, юный Апокалипсис, очарованный открывшимися перед ним блестящими перспективами, и не поверил бы в «такое» будущее и отказался бы его принимать. Но нынешний Сомов знал кое-что важное: порой приоритеты меняются. И не всегда к худшему.

В Москве, вкалывая на тренировках, выступая на соревнованиях и одерживая одну победу за другой, молодой Апокалипсис имел цель не просто стать чемпионом мира в профессиональном боксе. Он хотел занять достойное место среди лучших боксеров современности. Превратиться в легенду. Он шел к намеченной цели, сметая противников, нокаутируя любого, кто смел выходить против него. Его начали узнавать. Иностранная пресса печатала снимки русского богатыря и пророчила ему триумф и всемирную славу. Все с нетерпением ждали боя за титул чемпиона мира, где русский Апокалипсис должен был заявить о себе во всю мощь...

В свое время Майк Тайсон говорил, что бой должен длиться тринадцать секунд: две секунды на сближение, одна секунда на удар и десять секунд счет рефери. Апокалипсис придерживался той же позиции.

Посвежело. Стылый ветер просачивался в распахнутое окно и стелился по полу. Сомов запер входную дверь изнутри и вернулся в подсобку. Снял с полки большую спортивную сумку и переставил ее на стол. Затем подошел к шкафу, налег плечом и с легкостью отодвинул его в сторону, массивные ножки заскрежетали о пол. В стене за шкафом обнаружилась узкая дверца. Сомов вставил ключ в отверстие замка и два раза провернул.

* * *

Ехали молча. Дорога петляла. За окном темнели деревья и уклоны скал – привычный в этих местах пейзаж. Машина ехала быстро, но не нарушая скоростной режим. За рулем минивэна сидел смуглый молодой парень, рядом с ним, в пассажирском кресле – седой крепкий мужчина. Сзади разместились еще пятеро парней. Все сидели тихо, потупив головы и сосредоточенно изучая собственные ботинки.

Водитель съехал на трассу и прибавил газу. Изредка проносились мимо встречные машины, в основном фуры, дальнобойщики спешили доставить груз. В приоткрытое окно со свистом врвался ветер, выдувая тепло салона, но никто, казалось, этого не замечал.

Они проехали знак с названием поселка. Вскоре впереди замаячили огоньки фонарей и домов.

– Вон, туда, – указал мужчина.

Водитель кивнул и свернул на развилке направо.

* * *

«Вчера ночью неизвестные в масках, вооруженные пистолетами и дубинками, ворвались в коттедж, расположенный в частном секторе поселка Дивное. Находившиеся в доме четверо мужчин оказали сопротивление налетчикам, завязалась перестрелка, в результате которой трое получили огнестрельные ранения, а четвертый – ушибы и черепно-мозговую травму. В результате незаконного проникновения неизвестными причинен незначительный материальный ущерб. По предварительным оценкам, нападавшие скрылись с места преступления, не взяв с собой ничего ценного.

«Скорую помощь» и полицию вызвали соседи, услышавшие выстрелы. Четверо пострадавших были доставлены в городскую больницу в состоянии средней тяжести. Сейчас угрозы для жизни нет. Примечательно, что ранее все четверо подозревались как участники организованной преступной группировки, действующей на территории района. Двое имеют судимость за грабежи и разбои. По словам оперативников, личности нападавших пока не установлены. По факту возбуждено уголовное дело.

Следствие также выясняет обстоятельства хранения огнестрельного оружия самими пострадавшими. В коттедже был обнаружен и изъят целый арсенал: три автомата, четыре пистолета, ружье, гранаты Ф-1, различные комплектующие и боеприпасы. Все изъятое оружие направлено на экспертизу. В отношении потерпевших заведено уголовное дело по статье 222, части 1 УК РФ (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств).

По одной из версий, полученной из источников в правоохранительных органах, нападение на коттедж явилось результатом разборок между преступными группировками».

Лица взяла пульт от телевизора и убавила громкость. Как скучно она живет! Люди, вон, нападают друг на друга, развлекаются. А она торчит целыми днями в кафе да по вечерам общается с дочерью. Вот такая красочная, наполненная событиями жизнь.

До обеда оставалась еще пара часов, раньше двух пополудни посетителей ждать не стоило. Это тебе не сезон, когда в баре не протолкнуться – только успевай обслуживать проголодавшихся туристов. Следовало бы ей, как большинству местных, закрывать на зиму свое заведение. Все равно больше потратишь на электричество, чем заработаешь.

Да только чем бы она занималась? Торчала бы безвылазно в квартире? Так у нее хотя бы имелась видимость деятельности. Проснуться с утра, накормить дочку и рвануть в бар,

заправить кофейный автомат, принять товар у поставщика... Посетителей мало, но все-таки заходят. Спортсмены (так она называла ребят из секции бокса) вообще у нее прописались, и то хорошо. Ей хотя бы не так скучно. Как начнут обсуждать бои и комментировать удары – столько восторгов у каждого! В такие моменты Лика даже сожалела, что совсем далека от спорта и не может разделить их радости.

Она всегда по-доброму завидовала людям, одержимым какой-то идеей. Ее восхищали истории про композиторов, художников, актеров, которые с самого детства знали, кем хотят стать в будущем. Ученые, работающие над лекарством от рака, исследователи морских глубин, космонавты, олимпийские чемпионы, врачи – мир полон удивительных личностей, увлеченных, имеющих цель. Они просыпаются каждое утро счастливыми, потому что знают, ради чего живут. Они не успокоятся, пока не достигнут намеченного. А когда достигнут, поставят новую, еще более невероятную цель.

Сколько Лика себя помнила, она никогда не мечтала о чем-то выдающемся. Ей нравилось жить у моря, в маленьком городе со своим распорядком и правилами. Она иногда ездила в другие города и даже страны – родители неплохо зарабатывали, но всегда с удовольствием возвращалась домой, в привычную стихию. Ей редко бывало скучно. По крайней мере, раньше.

В семнадцать лет она поступила на филологический факультет в Кубанский государственный университет просто потому, что более-менее любила литературу и неплохо писала сочинения. Она знала, что не будет работать по специальности.

Лика улыбнулась, невольно возвращаясь в прошлое. Какой это был курс? Четвертый? В Краснодаре стояли лютые холода, она обморозила себе лицо. Был поздний вечер, она сидела в комнате в общежитии и дышала паром над кастрюлей с кипятком. В дверь кто-то постучал и тут же вошел, как обычно в общежитии. Парни пришли колядовать и выпрашивать еду.

– У нас ничего нет, – пробурчала Лика из-под полотенца. Они с девчонками тоже нормально не ели вторую неделю. Она могла сообщить родителям, и они бы тут же прислали с поездом баулы с едой. Но тогда ей хотелось вкусить романтику студенчества, да и заодно сбросить пару килограммов.

– Совсем ничего? – огорчились те. Они были голодными и сильно рассчитывали на угощение.

– Есть немного кислой калины, – булькнула Лика, так и не высываясь. – Ее можно заваривать с чаем. Вон, на холодильнике лежит.

Парни забрали калину и ушли.

Когда Лика закончила ингаляцию, решила с подружкой сходить в кино, у них имелось два бесплатных билета.

Шел фильм про Зорро. В зале помимо них присутствовало еще три человека. Лика сняла сапоги, пальцы на ногах онемели от холода. Она натянула на ступни перчатки, так и просидела весь сеанс. Из рта шел пар. А в Мексике стояла жара, и Антонио Бандерас был хорош.

Пару недель спустя Лика стояла в очереди в университетском интернет-центре и слушала, как два студента рассказывали приятелю о своих калячках в общежитии. Они планировали пожить нормальной пищей, а какая-то девка, чье лицо они так и не увидели, подсунула им только кислую калину.

– У нас и правда больше ничего не было из еды, – встряла Лика в их разговор. – А лицо у меня пошло пятнами из-за морозов, как я могла показаться в таком виде перед гостями?

Парни умолкли, а один, который посимпатичнее, с интересом уставился на нее. На следующий вечер они целовались у него в комнате. Он жил в той же общежитии, этажом ниже.

Через девять месяцев Лика родила дочку, бросила университет и вернулась в родной город. Отец ребенка сперва обещал оказывать всяческую поддержку, но исчез в неизвестном направлении. Лика по этому поводу не переживала. Любить они друг друга не любили. Симпатизировали. Она не была уверена, что в принципе способна испытывать по отношению к мужчине настоящее чувство, о котором снимают фильмы и пишут книги. Увлекалась она десятки раз, а вот не любила, пожалуй, никогда.

В свои сорок она выглядела от силы на двадцать семь. Благословенная генетика, а может, легкий характер, который невольно отражается на внешности. Кавалеров хватало, причем многие имели намерения самые серьезные. Лика допускала мысль, что выйдет когда-то замуж, но раз за разом отвергала предложения. Мужчины были хорошие, положительные. Но Лика пыталась представить себе, как будет находиться с кем-то двадцать четыре часа в сутки до конца своих дней, и едва сдерживала панику. Быть верной одному мужчине? Это то же самое, что добровольно отказаться от всех блюд, кроме одного, пусть и самого вкусного. Даже фаршированный изысканной начинкой кальмар осточертеет тебе через пару недель. Захочется простой гречневой каши. Или яблочка. Или блинчиков с джемом. А может, всего перечисленного сразу!

Однозначно, с браком стоило повременить. Физические потребности можно удовлетворять и без штампа в паспорте. Чтобы избавить себя от риска совместного будущего, Лика предпочитала заводить курортные романы. Благо, молодых привлекательных мужчин, жадных до приключений, летом на каждом перекрестке. Только подмигни им.

Летом она не скучала. А вот зимой... Нынешняя зима выдалась особенно унылой. Еще эти похороны... Димка был хорошим мальчишкой, жалко его. Но об этом лучше не думать. Иначе накатит совсем беспросветная тоска. Стоило заняться делами, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

Лика достала мобильный и нашла в контактах нужный телефон.

– Ажелочка? Привет, звезда моя! – поднял трубку Геннадий Петрович. – Чем обязан?

– Привет! Хотела напомнить, что мне сегодня привезут две новые холодильные камеры, ты вроде как помочь обещал? Разгрузить нужно и занести в помещение. А старый холодильник соответственно вынести.

– Раз обещал, значит, помогу без вопросов. Подъедем с хлопцами. Во сколько?

– В районе шести вечера. Нормально?

– Идеально. Как раз с заказами закончим и к тебе заскочим. И денег с тебя не возьму, – пообещал мужчина.

– Откуда вдруг такая щедрость, Петрович?

– Дык, ты мне работника хорошего сосватала. Ну и на поцелуй я рассчитываю тоже, – сознался тот.

Лика улыбнулась и нажала на «отбой». Пожалуй, Петрович был одним из немногих, кто клеился к ней чисто по-дружески, не ожидая ничего всерьез. Впрочем, был еще Сомов. Тот тоже в упор не замечал ее красоты.

Интересный он мужчина. Вечно ходит в неизменных спортивных мастерках, то сине-зеленой, с белыми полосками на рукавах, то сине-красной. Старше нее всего лет на десять, а разница космическая. Рядом с ним она ощущала себя наивной глупой старшекласницей. Фигура у него подтянутая, спортивная, лицо молодое, но абсолютно седые волосы прибавляли возраста. Вечно серьезный, насупленный, брови сведены к переносице. И глаза... Сероголубые, холодные. У арктического торосистого льда, когда глубина его слишком велика, появляется синеватый оттенок. Иногда Лике казалось, что у Сомова именно такие глаза – нагромождение льдистых обломков. Если всмотреться в глубину, можно увидеть игольчатую структуру кристаллов.

Ли́ка чувствовала себя свободно в мужском обществе. А с Сомовым напрягалась. Она считала себя неплохим психологом и легко разбиралась в людях. Но его раскусить не могла. Или не хотела?

В кафе зашли посетители и оторвали Лику от размышлений.

День тянулся медленно, оживленнее стало лишь к вечеру. Коллектив почты в составе пяти дородных бабенций собрался отметить день рождения коллеги. Оккупировали два столика и отчаянно делали вид, что счастливы в своей женской компании. Ли́ка поставила им две бутылки хорошего шампанского в подарок от заведения. Какие там на почтах зарплаты. А от нее не убудет.

К шести приехал грузовик с холодильниками, буквально сразу же – Геннадий Петрович с тремя грузчиками. Был среди них и ее новый знакомый, Руслан. С работой справились быстро, двадцати минут хватило. Ли́ка попыталась всунуть Петровичу денег, но тот наотрез отказался.

– Сказал же, не возьму! – Он огляделся по сторонам, заметил женщин и весело подмигнул Ли́ке: – А вот от стопочки мы с мужиками не откажемся.

– Ты в своем репертуаре, – улыбнулась она. – Будет вам водочка.

Геннадий Петрович и еще двое грузчиков – бородатый Семен и худющий, будто бы высушенный Гаврила, в своей съехавшей на ухо кепке напоминавший гриб с тонкой ножкой и кривой шляпкой, направились к столику с дамами.

– Почему такие красавицы скучают без мужского внимания? Позвольте вас развлечь! – и тут же подтянули стулья и устроились рядом, вызвав бурную радость у работниц почты.

– А вы что же? – спросила Ли́ка у мявшегося у дверей Руслана. – Не присоединитесь к коллективу?

– Воздержусь. – Он снял хозяйственные перчатки, сунул их в карман брюк. – Удачного вечера!

Ли́ка представила, каким будет сегодняшний вечер, и едва не застонала в голос. Все те же лица, те же разговоры. По заведенному графику. Проводить гостей, убраться, закрыть кассу... А до лета еще так далеко. Она скользнула взглядом по фигуре парня. Рельефные руки, широкая талия. От него так и веяло мужественностью. Когда она последний раз прикасалась к мужчине? Почти полгода назад!

– Можно пригласить вас на свидание? – неожиданно для самой себя предложила она и тут же пожалела о этом.

– Вы оказались смелее меня. – Руслан задержал взгляд на ее груди, и Ли́ка почувствовала, как заливается краской. – Я сметаюсь домой, приму душ и переоденусь. Во сколько за вами зайти?

– Думаю, часов в десять здесь уже никого не будет, – с облегчением произнесла она. – И давай на «ты».

– Скоро буду. – Он улыбнулся и исчез за дверью.

Ли́ка никогда не вела себя как скромница, но все-таки предпочитала отдавать инициативу мужчинам. Пожалуй, она и правда оголодала... Позже она решит, что сделала глупость, столь навязчиво предложив себя едва знакомому парню. Но сейчас рефлексировать не хотелось. Ее воображение занимала предстоящая встреча. И Ли́ка не собиралась портить настроение душевными метаниями.

Кафе она закрыла в девять вечера. Сходила домой, привела себя в порядок, предупредила дочь, что будет поздно, и вернулась в бар, где у входа уже ждал ее визави.

– А я дергаю ручку – закрыто, – в темноте сверкнула его белозубая улыбка. – Думал, что ты так зло надо мной подшутила.

Ли́ке захотелось сразу, сию же минуту впиться в его губы, пробраться под рубашку и погладить мускулистую спину. При необходимости она могла долго и успешно держать

себя в руках. Но когда видела удачную возможность получить удовольствие, мгновенно теряла волю и элементарное терпение. Ей требовался лишь подходящий экземпляр и ситуация, проникнуться же страстью было делом нескольких минут.

«Не веди себя как похотливая самка, – мысленно одернула себя Лика. – Напугаешь мальчишку и останешься голодной!»

Она отперла дверь и толкнула ее, приглашая парня войти.

Они сидели в пустом кафе на диванах в дальнем углу и потягивали вино. Свет Лика не включала, лишь маленькие лампочки над барной стойкой отбрасывали в пространство рассеянное сияние. Играла тихая музыка. Руслан рассказывал какую-то историю, Лика не слушала, просто следила, как двигаются его четко очерченные, не слишком полные губы. У него была красивая линия подбородка, которую подчеркивала недельная (двухнедельная) щетина.

Руслан заметил ее взгляд и замолчал.

– Ты так изучаешь меня, будто прикидываешь, с каким соусом лучше приготовить.

– Без соуса.

– Да и готовить меня не нужно. – Он пододвинулся ближе, коснувшись коленом ее бедра. – Я и так уже готов.

В полумраке его светлые глаза казались темнее и жестче; тени изменили его лицо, переключив черты и сделав их более резкими, зловещими. На секунду Лике померещилось, что она видит этого мужчину впервые. Прогоняя наваждение, она провела подушечкой пальца по его длинным ресницам. Он поймал ее руку и поцеловал. Губы были сухие и теплые. Руслан притянул ее к себе и уткнулся носом в ложбинку между грудей. Его руки скользнули ниже, и еще до того, как все произошло, Лика уже знала, что это будет лучший секс в ее жизни. Практически каждый секс в ее жизни был лучшим.

* * *

В этом городе время текло иначе. Он почувствовал это в первый же день, когда вышел из автобуса с рюкзаком за спиной. Стоял серый пасмурный день, и, несмотря на дувший с моря порывистый ветер, воздух казался неподвижным, как в большом старом доме. Тогда Руслану почудилось, что он попал в книгу Стивена Кинга, в провинциальный городок под прозрачным куполом, отгородившим жителей от остального мира. Здесь действуют свои законы, и каждый новый день приносит новое испытание. Он прогнал неуместное наваждение, сконцентрировавшись на главном: у него есть цель, которую необходимо осуществить. А все остальное – мелкие неудобства. Он давно научился не отвлекаться на второстепенное. И пусть секунда в городе воспринимается как час, а сутки превращаются в вечность – он справится. Он справлялся кое с чем и посложнее.

Ситуация развивалась медленно, но прогресс все же наметился. Бажин еще не видел отчетливых изменений, но уже обонял их запах – так улавливаешь свежесть улицы, поднимаясь вверх по эскалатору из душного чрева метро.

За пару недель он втянулся в рабочий график и уже не уставал до полумертвого состояния, как в первые дни. Впрочем, даже если бы он еле волочил ноги, все равно заставлял бы себя идти на тренировку. Но отнюдь не из великой любви к спорту. Интуиция подсказывала, что именно там он найдет ответы.

Пока его внимание привлекли трое.

Номер один: возраст двадцать два – двадцать пять, рост выше среднего, хорошая физическая форма. Расслабленные глаза, хищный нос и большой лягушачий рот. Агрессивен. Прямолинеен или притворяется таковым. Зовут Василий. Кличка Прицеп.

Номер два: возраст двадцать – двадцать три, среднего роста, крепкий, бывший борец. Рыжий, лицо открытое. Косит под рубаху-парня. Вызывает доверие. Доброжелательный. Зовут Артем. Кличка Мэджик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.